

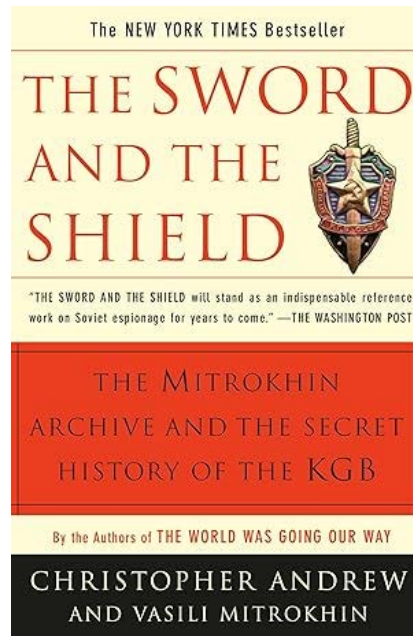
ЩИТ И МЕЧ

АРХИВ МИТРОХИНА

И

ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ КГБ

КРИСТОФЕР ЭНДРЮ И ВАСИЛИЙ МИТРОХИН

ВВЕДЕНИЕ

17 октября 1995 года меня пригласили в постмодернистскую лондонскую штаб-квартиру Секретной разведывательной службы — более известной как SIS, или МІб, — в Воксхолл-Кросс, на берегу Темзы, чтобы ознакомить с одним из самых поразительных разведывательных успехов конца XX века. В SIS рассказали мне, как в 1992 году из России был тайно вывезен Василий Митрохин — бывший старший архивист КГБ, уже находившийся в отставке, — вместе со своей семьёй и шестью большими чемоданами совершенно секретных материалов из архива внешней разведки КГБ. Поразительный подвиг Митрохина, который почти каждый рабочий день на протяжении двенадцати лет делал записи по материалам КГБ и, подвергая себя огромному личному риску, выносил эти записи из штаб-квартиры внешней разведки, вероятно, не имеет себе равных в истории разведки. Когда через несколько недель после инструктажа я впервые увидел архив Митрохина, у меня захватило дух — и от его масштаба, и от уровня секретности. В нём содержались важнейшие новые материалы об операциях КГБ по всему миру. Единственными европейскими странами, отсутствовавшими в архиве, были карликовые государства Андорра, Монако и Лихтенштейн. Зато по Сан-Марино имелись весьма интересные материалы. Было ясно, что Митрохин имел доступ даже к самым засекреченным делам КГБ — в том числе к тем, где раскрывались настоящие личности и «легенды» советских «нелегалов», живших за границей под глубоким прикрытием, выдавая себя за иностранных граждан.¹

Вскоре после первого знакомства с архивом я встретился с Василием Митрохиным за чаем в одной из переговорных комнат штаб-квартиры SIS и обсудил с ним возможность совместной работы над историческим исследованием, основанным на его материалах. О себе Митрохин говорил мало. Позднее даже потребовались некоторые усилия, чтобы убедить его: его собственную историю стоит включить в начало нашей книги.² Но к своему архиву Митрохин относился страстно и тревожно желал, чтобы как можно большая его часть была использована для разоблачения деятельности КГБ.

В начале 1996 года Митрохин с семьёй впервые посетили Кембриджский университет, где я являюсь профессором новой и новейшей истории. Я встретил их у домика привратника в Корпус-Кристи-колледже, членом которого состою, и мы вместе пообедали в отдельной комнате с видом на средневековый Старый двор — старейший полностью сохранившийся двор в Кембридже. После обеда мы отправились в колледжский зал, чтобы взглянуть на то, что, как считается, является единственным сохранившимся портретом первого шпиона и величайшего писателя этого колледжа — елизаветинского драматурга Кристофера Марло, погибшего в 1593 году в двадцатидевятилетнем возрасте в драке в таверне, вероятно, в то время, когда он работал на тайную службу королевы Елизаветы I. Затем мы прошли по Бэкс через колледжи Кингс и Клэр, чтобы посетить Тринити и Тринити-Холл — колледжи самых известных британских рекрутов КГБ, «Великолепной пятёрки», некоторые досье которых Митрохин успел законспектировать. Митрохин давно овладел искусством

¹ К тому времени, когда я получил доступ к архиву, большая его часть уже была переведена и тщательно проверена сотрудниками SIS, работавшими в тесном сотрудничестве с Митрохиным. Служба безопасности и сотрудники американской разведки также помогали в переводе. Переведённый архив был предоставлен мне в одном из офисов SIS как в печатном виде, так и в компьютерной базе данных со сложной системой индексирования и поиска. Пока я писал книгу, Митрохин три дня в неделю работал с сотрудником SIS, завершая процесс перевода и проверки.

² О «Великолепной пятёрке» см. ниже, главу 4.

быть незаметным. Друзья и коллеги, которых мы встречали во время прогулки по Кембриджу, не удостаивали его и вторым взглядом.

В марте 1996 года тогдашний министр иностранных дел Малкольм Рифкинд дал принципиальное согласие — позднее подтверждённое его преемником Робинотом Куком — на то, чтобы я написал книгу, основанную на необыкновенном архиве Митрохина.³ В течение последующих трёх с половиной лет, поскольку архив всё ещё оставался засекреченным, я не мог обсуждать его ни с коллегами в Корпус-Кристи-колледже, ни на историческом факультете Кембриджа — и даже не мог раскрыть характер книги, над которой работал. По крайней мере в Британии тайна архива Митрохина хранилась удивительно надёжно. До тех пор пока *Архив Митрохина* не был передан издателям, которым также удалось избежать утечек, о нём знали, помимо разведывательного сообщества, лишь немногие высокопоставленные министры и государственные служащие. Тони Блэра впервые ознакомили с делом Митрохина в январе 1995 года, когда он был лидером оппозиции. Три года спустя, уже в качестве премьер-министра, он одобрил проект публикации.⁴

Некоторые союзники Британии хранили тайну архива Митрохина менее строго. Однако, хотя иностранные правительства и разведывательные службы, получившие доступ к части архива, допустили несколько частичных утечек, в Британии они почти не получили отклика. В декабре 1998 года мне неожиданно позвонил немецкий журналист, выяснивший как кодовое имя, под которым Митрохин был известен в Германии, так и содержание некоторых фрагментов его немецких материалов. Он сообщил, что знает: я завершаю первый том, основанный на архиве Митрохина, и уже запланировал второй. В течение следующих месяцев я ожидал, что история прорвётся в британскую прессу. К моему некоторому удивлению, этого не произошло.

В субботу, 11 сентября 1999 года, после трёх с половиной лет секретности и молчания, *Архив Митрохина* внезапно стал новостью первых полос: в *The Times* началась его публикация частями. Между вечером пятницы и утром субботы я перешёл от длительного периода, когда публично вообще не говорил об *Архиве Митрохина*, к месяцу, в течение которого, казалось, почти ни о чём другом и не говорил. Неудивительно, что внимание прессы привлекли прежде всего человеческие истории о советских шпионах в Британии, а не более важные, но менее местнические разоблачения операций КГБ против НАТО в целом и против демократического инакомыслия внутри советского блока. До этого медийный стереотип крупного советского шпиона в Британии, созданный по образцу Кима Филби и его друзей, представлял собой блестящего, но подрывного выпускника Кембриджа, желательного из хорошей частной школы и с экзотической сексуальной жизнью. В сентябре 1999 года этот стереотип почти в одночасье изменился, когда Митрохин разоблачил Мелиту Норвуд — восьмидесятишестилетнюю прабабушку из Бекслихита, которую *The Times* запоминающе назвала «шпионкой, пришедшей из кооператива» — где она, по идеологическим причинам, делает большую часть покупок, — как самого долгослужившего советского агента в Британии.

³ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, Cm 4764, 13 июня 2000, с. 44–45, 47. Разрешение, несомненно, было связано с тем, что ранее я уже написал историю КГБ и подготовил к изданию два тома документов КГБ — они указаны в библиографии — совместно с Олегом Гордиевским, бывшим полковником КГБ, который в течение одиннадцати лет был одним из важнейших агентов SIS в период холодной войны.

⁴ Некоторые подробности инструктажа старших министров и государственных служащих приведены в: Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, приложение E.

Репортёр *Times* находился у миссис Норвуд ранним утром 11 сентября, когда она слушала, как Джон Хамфрис в программе *Today* сначала пересказывал некоторые сведения из её досье КГБ, записанные Митрохиным, а затем брал интервью у меня и Энн Уиддекомб. «О, Боже!» — сказала она репортёру *Times*. — «Всё это так не похоже на мою тихую маленькую жизнь. Я думала, что мне всё сошло с рук. Но я не слишком удивлена, что в конце концов это всплыло». В течение нескольких часов у её дома в конце террасы собралась возбуждённая толпа журналистов: они расспрашивали друзей и соседей о том, как она пьёт чай из кружки с Че Геварой, вывешивает в окне плакаты «Остановить “Трайидент”», продаёт домашний чатни в поддержку кубинских групп солидарности и каждое субботнее утро разносит более тридцати экземпляров *Morning Star* ветеранам старой левой среды Бекслихита. Когда позднее в тот же день миссис Норвуд впервые в жизни вышла к прессе, она держалась с необыкновенным самообладанием. Образ прабабушки-шпионки, идущей по садовой дорожке между ухоженными розовыми кустами, чтобы сделать некое подобие признания перед большой толпой репортёров, захватил воображение миллионов телезрителей и читателей газет. «Мне восемьдесят семь, и, к сожалению, память у меня уже не та», — начала миссис Норвуд. — «Я делала то, что делала, не ради денег, а чтобы помочь предотвратить поражение новой системы, которая огромной ценой дала простым людям еду и проезд по доступным ценам, дала им образование и медицинское обслуживание».

Помимо того что сдержанное публичное признание миссис Норвуд стало медийной сенсацией, оно явилось замечательным историческим документом. То, что завладело её воображением ещё до Второй мировой войны, как и воображением большинства других советских агентов того времени, было не жестокой реальностью сталинской России, а идеалистический миф-образ первого в мире рабоче-крестьянского государства, покончившего с безработицей и впервые позволившего трудящимся полностью раскрыть свой потенциал, — той самой «новой системы», о которой миссис Норвуд с ностальгией вспоминала, обращаясь к репортёрам. В середине 1930-х годов этот миф-образ был настолько силён, что у истинно верующих, которые, в отличие от Мелиты Сирнис — как её тогда звали, — могли совершить паломничество в Советский Союз, он выдерживал даже противоречащее ему свидетельство собственных глаз. Малкольм Маггеридж, вероятно лучший из британских журналистов, находившихся тогда в Москве, позднее писал о встреченных им британских паломниках:

Их восторг от всего, что они видели и что им рассказывали, а также выражение, которое они придавали этому восторгу, несомненно составляют одно из чудес нашего века. Были серьёзные сторонники гуманного умерщвления скота, которые, глядя на массивное здание штаб-квартиры ОГПУ [позднее КГБ], имели на глазах слёзы благодарности; серьёзные сторонники пропорционального представительства, которые охотно соглашались, когда им объясняли необходимость диктатуры пролетариата; серьёзные священнослужители, благоговейно перелистывавшие страницы атеистической литературы; серьёзные пацифисты, с восторгом наблюдавшие, как танки грохочут по Красной площади, а бомбардировщики затемняют небо; серьёзные специалисты по городскому планированию, стоявшие перед переполненными, полуразвалившимися доходными домами и бормотавшие: «Вот бы у нас в Англии было что-нибудь подобное!» Почти невероятное легковерие этих, в большинстве своём университетски

образованных, туристов поражало даже советских чиновников, привыкших иметь дело с иностранными гостями...⁵

Когда Мелита Сирнис стала советским агентом в 1937 году, Советский Союз находился в самом разгаре Большого террора — крупнейшего преследования мирного времени в современной европейской истории.⁶ Однако миссис Норвуд, по-видимому, до сих пор не осознаёт всей порочности сталинского режима, на службу которому она поступила. «Старина Джо [Сталин], — признаёт она, — не был стопроцентно прав, но ведь люди вокруг него могли осложнять ему жизнь, как это обычно бывает». В конце своего заявления для прессы её спросили, сожалеет ли она о своей карьере советского агента. «Нет», — ответила она и вернулась в дом. В другом интервью она заявила: «Я бы снова сделала всё то же самое».⁷

Другим бывшим советским шпионом, названным в *Архиве Митрохина* и попавшим на первые полосы британских газет, стал бывший детектив-сержант Джон Саймондс. Как и Норвуд, Саймондс дал несколько интервью. Он признался, что был, как показывают записи Митрохина, вероятно первым британским «шпионом-Ромео», завербованным КГБ. Он сказал, что почти двадцать лет назад уже признавался в этом МИ5 и Скотленд-Ярду, но ему не поверили. Хотя записи Митрохина не приводят статистики числа женщин, соблазнённых Саймондсом за время его карьеры нелегала КГБ, сам Саймондс утверждает, что их были «сотни». Сначала КГБ решил, что его сексуальная техника недостаточно хороша, и, к его восторгу, направил к нему «двух чрезвычайно красивых девушек» в качестве наставниц. Воспоминания Саймондса о последующей карьере шпиона-Ромео выглядят куда более радужными, чем это следует из его кагэбистского досье:

Я просто жил прекрасной жизнью. Я бы сказал: вступайте в КГБ — и увидите мир, причём первым классом. Я ездил по всему миру по этим заданиям и замечательно проводил время. Я останавливался в лучших отелях, бывал на лучших пляжах. У меня был доступ к красивым женщинам, неограниченная еда, шампанское, икра — всё, что угодно, — и я прекрасно жил. Вот таким был мой опыт работы с КГБ.

«Единственные, кому я причинил вред, — утверждает теперь Саймондс, — это лондонская полиция».⁸ Многие женщины, которых он соблазнял по заданию КГБ, несомненно, с ним не согласились бы.

Реакция СМИ на разоблачения Митрохина в большинстве других стран была столь же местнической, как и в Британии. Общественный интерес к русским агентам, выявленным Митрохиным, странным образом напоминает интерес к олимпийским медалистам. В шпионаже, как и в лёгкой атлетике, большинство мировых СМИ прежде всего интересуются подвигами своих соотечественников. В Соединённых Штатах наибольший человеческий интерес, вероятно, вызвали «активные мероприятия» КГБ, направленные на дискредитацию многолетнего директора ФБР Дж.

⁵ Hollander, *Political Pilgrims*, с. 102.

⁶ См. ниже, главу 5

⁷ David Rose, «“I would do everything again,” says the agent from suburbia», *Sunday Telegraph*, 12 сентября 1999. Во время интервью с миссис Норвуд 10 августа для документального фильма BBC2, основанного на *Архиве Митрохина*, Роуз получил первое признание в том, что она была советской шпионкой.

⁸ John Symonds, интервью Дэвиду Роузу, «I told you I was a spy», *Guardian (G2)*, 14 сентября 1999. Ср. ниже, с. 559–563.

Эдгара Гувера и великого лидера движения за гражданские права Мартина Лютера Кинга. КГБ был одним из первых, кто начал распространять слухи о том, что Гувер был агрессивным гомосексуалом. Кинг, которого КГБ опасался как человека, способного предотвратить расовую войну, которую он надеялся разжечь во время долгих жарких летних волнений, начавшихся в 1965 году, был, вероятно, единственным американцем, ставшим мишенью активных мероприятий как КГБ, так и ФБР. Тема *Архива Митрохина* — изданного в США под названием *The Sword and the Shield* — привлекающая наибольшее внимание Конгресса, касалась подготовки КГБ к диверсионным операциям против американских целей во время холодной войны. 26 октября 1999 года я дал телевизионные показания об этих приготовлениях на переполненных слушаниях Комитета по вооружённым силам Палаты представителей. Материалы Митрохина указывают приблизительное местонахождение ряда тайных объектов в Соединённых Штатах, выбранных для складов оружия и радиосредств КГБ, предназначенных для диверсионных операций. На основании имеющихся данных невозможно оценить, сколько таких тайников действительно было оборудовано. Однако бывший генерал КГБ Олег Калугин, находившийся в 1960-е и начале 1970-х годов в Нью-Йорке и Вашингтоне, подтвердил существование некоторых оружейных тайников КГБ в Соединённых Штатах.⁹ Как и в Европе, некоторые тайники, вероятно, были заминированы и теперь могут находиться в опасном состоянии. По соображениям общественной безопасности *Архив Митрохина* не давал никаких указаний на местоположение американских объектов, выбранных для оружейных тайников КГБ. Однако ABC TV News сообщила, что один из таких объектов расположен в районе Брейнерда, штат Миннесота.¹⁰ Более поздние газетные сообщения со ссылкой на «источники в Конгрессе» утверждали, что ФБР провело поиски в районе Брейнерда.¹¹

В Западной Европе *Архив Митрохина* породил в Италии ещё больше историй для первых полос, чем даже в Британии, — хотя почти все они, что неудивительно, касались итальянских тем. В октябре 1999 года итальянская парламентская комиссия опубликовала 645 страниц докладов — под кодовым названием IMPEDIAN — об итальянцах, упомянутых в архиве Митрохина; эти материалы несколькими годами ранее были переданы SIS итальянской разведке. Большинство контактов КГБ были названы в докладах как по именам, так и по кодовым обозначениям. Сообщалось, что Министерство иностранных дел Италии расследует дела тридцати сотрудников, упомянутых в записях Митрохина. Однако значительная часть шума, поднятого *Архивом Митрохина* в Италии, свелась к возобновлению холодновоенного сведения политических счётов, которое произвело больше политического жара, чем исторического света. Противники правительства во главе с бывшим коммунистом Массимо Д'Алемой ухватились за упоминания Армандо Коссутты, лидера коммунистической PDCI, представленной в коалиционном правительстве Д'Алемы. Левые ответили указанием на то, что в одном из докладов IMPEDIAN был идентифицирован сенатор правой партии *Forza Italia*. Дальнейшую путаницу в дискуссию внесли сторонники теорий заговора — как справа, так и слева. Карикатура в *La Repubblica*, которую Д'Алема осудил как клеветническую, изображала его вымарывающим ряд, предположительно левых, имён из докладов IMPEDIAN перед их публикацией. *L'Unità*, напротив, утверждала, что левые министры всё больше убеждены: доклады являются результатом заговора MI5 — которую газета, по-видимому, спутала с SIS: «То, что поступило, — это не досье из КГБ, а досье о КГБ, составленное британскими контрразведчиками на

⁹ Интервью с Олегом Калугиным в программе ABC *Nightline*, 9 сентября 1999.

¹⁰ Репортаж ABC News Джона Макуэти, 9 сентября 1999.

¹¹ *New York Post*, 7 ноября 1999; *Philadelphia Daily News*, 8 ноября 1999.

основе признаний бывшего агента, если таковой вообще существует, а «Митрохин» — лишь кодовое название операции MI5».¹²

Политический спор, вызванный в Британии публикацией *Архива Митрохина*, главным образом касался поведения министров и разведывательного сообщества. Почему, спрашивали, Мелита Норвуд не была привлечена к суду, если о её предательстве было известно по крайней мере с момента бегства Митрохина в 1992 году? И почему министры не были лучше проинформированы разведывательными и контрразведывательными ведомствами о ней и о других предателях, выявленных в архиве Митрохина? К моему удивлению, выяснилось, что я знал о деле Норвуд значительно дольше, чем министр внутренних дел или премьер-министр. Джеку Стро в декабре 1998 года сообщили, что сведения Митрохина могут привести к судебному преследованию «восьмидесятишестилетней женщины, шпионившей в пользу КГБ сорок лет назад», но её личность назвали ему лишь несколько месяцев спустя. Тони Блэр не был проинформирован о миссис Норвуд почти до самого момента появления её имени на первой полосе *The Times*.¹³

Отказ от судебного преследования миссис Норвуд в сочетании с задержками в информировании министров вызвал глубокие подозрения у части прессы. *The Express* осудила «ужасающую культуру сокрытия и некомпетентности в британских секретных службах». *The Guardian* заподозрила заговор MI5:

Нам нужно знать, заключала ли Мелита Норвуд сделку со службами безопасности. Вспомните Бланта¹⁴. Было ли решение не преследовать её продиктовано состраданием — или желанием скрыть некомпетентность служб безопасности?

Менее чем десятилетием ранее не существовало бы механизма, способного расследовать эти обвинения так, чтобы вызвать доверие общества и парламента. До 1992 года сменявшие друг друга британские правительства отказывались даже признавать существование SIS — на том удивительном, хотя и традиционном, основании, что такое признание поставит под угрозу национальную безопасность. Если бы SIS и семь лет спустя оставалась официально табуированной темой, никакое официальное расследование не смогло бы подготовить убедительный публичный отчёт о том, как велось дело архива Митрохина. Однако в 1999 году существовал очевидный орган для проведения расследования: Комитет по разведке и безопасности, созданный в соответствии с Законом о разведывательных службах 1994 года для проверки «расходов, управления и политики» разведывательных и контрразведывательных ведомств.

¹² Подборку итальянских газетных статей см.: *Dossier Stampa: L'Affare Mitrokhin* (Рим: Camera dei Deputati, Ufficio Stampa, 22 октября 1999). Некоторые доклады IMPEDIAN опубликованы в итальянском издании *Архива Митрохина: L'Archivio Mitrokhin* (Милан: Rizzoli, 1999), приложение F.

¹³ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 48, 52–55.

¹⁴ В 1963 году, после длительного расследования, не сумевшего обнаружить достаточные пригодные для суда доказательства, советскому шпиону сэру Энтони Бланту был предложен иммунитет от уголовного преследования в обмен на полное признание — сделка, которую он, по-видимому, выполнил не вполне. Позднее утверждалось, хотя и без достаточных доказательств, что истинной причиной решения не привлекать его к суду было стремление истеблишмента или MI5 скрыть скандал.

С начала своей работы в 1994 году Комитет по разведке и безопасности стал в значительной мере недооценённой историей успеха.¹⁵ Хотя формально он не является парламентским комитетом, поскольку отчитывается перед парламентом только через премьер-министра, восемь из девяти его членов — депутаты Палаты общин. Девятый — член Палаты лордов. Под председательством бывшего консервативного министра обороны Тома Кинга его состав охватывает весь политический спектр. Среди его основателей был Дейл Кэмпбелл-Сейворс, прежде один из ведущих лейбористских критиков разведывательного сообщества, который всё ещё входит в комитет. Во многом потому, что его члены не разделились по партийным линиям, не перессорились между собой и не обнаружили доказательств крупных злоупотреблений разведки, Комитет привлёк сравнительно мало внимания СМИ. Его в целом положительные отчёты о деятельности разведывательного сообщества неизбежно отвергались некоторыми теоретиками заговора как свидетельство сокрытия истины.

В понедельник, 13 сентября 1999 года, всего через два дня после того, как *The Times* начала публикацию *Архива Митрохина*, Джек Стро объявил в заявлении Палате общин, что Комитет по разведке и безопасности получил поручение провести расследование «политики и процедур, принятых в разведывательных и контрразведывательных ведомствах при работе с информацией, предоставленной господином Митрохиным». В течение последующих девяти месяцев Комитет заслушал показания Джека Стро, Робина Кука и четырёх бывших консервативных министров; руководителей и других старших сотрудников MI5 и SIS; прежнего главы MI5; секретаря кабинета министров; постоянных заместителей министров внутренних и иностранных дел; а также других чиновников. Среди последних свидетелей были Митрохин и я: мы один за другим давали показания Комитету в Кабинет-офисе на Уайтхолле, 70, утром 8 марта 2000 года. Работая над *Архивом Митрохина*, я ошибочно полагал, что Комитет был информирован об этом проекте. Некоторой путаницы, последовавшей за публикацией, вполне можно было бы избежать, если бы Комитет по разведке и безопасности был должным образом осведомлён заранее.

В июне 2000 года отчёт Комитета выявил ряд административных ошибок, которые, как это обычно бывает в Уайтхолле, скорее объяснялись не заговором, а неразберихой. Первым «серьёзным провалом», названным Комитетом, была неспособность Службы безопасности передать дело миссис Норвуд юридическим советникам Короны в 1993 году:

Этот провал... привёл к тому, что решение о том, преследовать или не преследовать миссис Норвуд в судебном порядке, фактически приняла сама Служба безопасности. Комитет обеспокоен тем, что Служба ссылаясь на соображения общественного интереса, чтобы оправдать отказ от дальнейших действий в отношении миссис Норвуд, тогда как решать это должны были юридические советники Короны. Мы также считаем, что неспособность Службы безопасности допросить миссис Норвуд в тот момент помешала её возможному судебному преследованию.

¹⁵ Формулируя этот вывод, я, пожалуй, должен заявить о личной заинтересованности. С конца 1970-х годов я выступал за создание парламентского комитета по разведке, примерно соответствующего нынешнему Комитету по разведке и безопасности. См., например, введение к: Andrew and Dilks, ред., *Missing Dimension*, и заключение к: Andrew, *Secret Service*. Первоначально это предложение было встречено в Уайтхолле весьма холодно.

В течение следующих пяти лет, вследствие «ещё одного серьёзного провала Службы безопасности», дело Норвуд «исчезло из поля зрения».¹⁶ MI5, возможно, и не заслуживает большой доли сочувствия за этот недосмотр, но некоторого сочувствия всё же заслуживает. Первоочередной задачей любой службы безопасности являются реальные, а затем потенциальные угрозы. Среди массы материалов, предоставленных Митрохиным в 1992 году, дело восьмидесятилетней миссис Норвуд, которая в последний раз контактировала с КГБ более десяти лет назад и уже не представляла никакой мыслимой опасности для национальной безопасности, должно было казаться делом весьма низкого приоритета — особенно учитывая нагрузку на ресурсы MI5, вызванную сокращениями после окончания холодной войны и угрозой со стороны ирландских террористических групп.

Однако можно утверждать, что MI5 недоценила прошлое значение миссис Норвуд. В показаниях Комитету Служба безопасности пришла к выводу, что её «ценность как атомной шпионки для учёных, создававших советскую бомбу, должна была быть, в лучшем случае, незначительной».¹⁷ Такого мнения НКГБ — как тогда назывался КГБ — в последние месяцы Второй мировой войны не придерживался. В марте 1945 года он охарактеризовал предоставленную ею атомную разведывательную информацию как «представляющую большой интерес и ценный вклад в развитие работы в этой области».¹⁸ Хотя миссис Норвуд, разумеется, не была атомной шпионкой того же уровня, что Тед Холл и Клаус Фукс, которые оба передавали разведанные изнутри главной ядерной лаборатории в Лос-Аламосе, НКГБ и советские учёные, с которыми он поддерживал тесную связь, явно оценивали её сведения как нечто большее, чем «незначительные». Информация, которую она могла предоставлять об оболочках уранового топлива и коррозионной стойкости после облучения, вероятно, была применима не только к строительству ядерных реакторов, но и к разработке

¹⁶ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 12.

¹⁷ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 69.

¹⁸ См. ниже, с. 168. Трудно понять, как миссис Норвуд могла предоставить атомную разведывательную информацию столь «большой ценности» в марте 1945 года, если, как утверждал Филлип Найтли, она после длительного декретного отпуска вернулась к работе в Британской ассоциации по исследованию цветных металлов — BN-FMRA — лишь в 1946 году (Knightley, «Norwood: the spy who never was», *New Statesman*, 13 декабря 1999). Данные MI5, представленные Комитету по разведке и безопасности, подтверждают, что в 1945 году миссис Норвуд была секретарём председателя BN-FMRA (Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 67).

оружия.¹⁹ До последних месяцев войны НКГБ оценивал атомную разведывательную информацию, полученную в Британии, почти так же высоко, как и сведения из Соединённых Штатов.²⁰

Как сказал Джек Стро Палате общин, объявляя о расследовании Комитета, «нет оснований сомневаться... что КГБ считал миссис Норвуд важным шпионом». Нет также оснований сомневаться в том, что она была и самым долгослужившим британским агентом КГБ, и его самой важной британской женщиной-шпионкой. С самого начала её карьеры КГБ возлагал на неё большие надежды. Он поддерживал с ней контакт в 1938–1939 годах, в то время как нехватка сотрудников внешней разведки, многие из которых были казнены во время террора, привела к утрате связи со многими другими агентами — включая некоторых из «Великолепной пятёрки». После публикации *Архива Митрохина* Виктор Ощенко, бывший старший офицер управления научно-технической разведки КГБ, любезно поделился со мной своими воспоминаниями о деле Норвуд. Находясь в 1975 году в лондонской резидентуре, Ощенко завербовал Майкла Смита — самого важного британского агента КГБ в области научно-технической разведки в поздний период холодной войны.²¹ Он помнит карьеру миссис Норвуд как советского агента как «легендарное дело в анналах КГБ — важного, решительного и весьма ценного агента» и был глубоко впечатлён как её идеологической преданностью, так и её поразительным доступом к бумагам своего начальника. Среди разведанных, которые, по мнению Ощенко, передавала миссис Норвуд, были «ценные документы, касавшиеся материалов, используемых в производстве ракет».²² Однако подробности того, как внутри Советского Союза использовались сведения миссис Норвуд, остаются скудными. Записи Митрохина из её досье, хотя и содержат точные сведения о кураторах миссис Норвуд и других оперативных вопросах, дают мало представления о той, несомненно, сложной разведывательной информации, которую она передавала на протяжении своей долгой карьеры советского агента. Крайне маловероятно, что СВР раскроет какие-либо подробности этих сведений до смерти миссис Норвуд.

Наряду с критикой МИ5 за то, что дело Норвуд «исчезло из поля зрения», Комитет также счёл «серьёзным провалом Службы безопасности то, что дело господина Саймондса не было передано

¹⁹ Таково мнение правительственного учёного, предпочитающего не называть своего имени. Точные подробности атомной разведывательной информации, предоставленной миссис Норвуд, недоступны. Пока они не будут тщательно проанализированы и сопоставлены с другими атомными разведанными, полученными советской разведкой, невозможно вынести окончательное суждение о значении её роли как атомной шпионки. Атомная разведывательная информация, предоставленная миссис Норвуд после 1945 года, уже не имела отношения к созданию советской бомбы, которая, главным образом благодаря Холлу и Фуксу, была точной копией американской, а не британской бомбы. Тем не менее она сохраняла некоторое значение. Вероятно, самая важная тайна послевоенной Британии — настолько чувствительная, что премьер-министр Клемент Эттли скрывал её от большей части своего кабинета, — касалась создания британской атомной бомбы. Разведанные миссис Норвуд, должно быть, давали некоторое представление о глубоко засекреченном ходе работ британских атомщиков. См. ниже, с. 518–519.

²⁰ Согласно досье, законспектированному Митрохиным — т. 7, гл. 2, пункт 19, — до ноября 1944 года НКГБ получил из США и Великобритании 1167 документов по «ядерным секретам». Из них 88 документов из США и 79 из Великобритании были оценены как «очень ценные». В записях Митрохина нет аналогичной статистики за период после ноября 1944 года. Дополнительная атомная разведывательная информация поступала от ГРУ.

²¹ См. ниже, с. 550–553, 567–568.

²² В 1992 году Ощенко, будучи начальником линии X — научно-технической разведки — в парижской резидентуре, перебежал в Британию, где ныне и живёт.

юридическим советникам Короны в середине 1993 года». И это тоже явно было следствием не заговора, а неразберихи — вероятно, где-то на уровне среднего руководства MI5. Даже генеральный директор Службы безопасности в 1992–1996 годах Стелла Римингтон не была проинформирована своими сотрудниками ни о деле Норвуд, ни о деле Саймондса и потому не могла доложить о них Майклу Говарду, министру внутренних дел в правительстве Мейджора, и его постоянному заместителю. Дополнительная путаница возникла из-за того, что «межведомственная рабочая группа» в Уайтхолле, отвечавшая за наблюдение за ходом публикационного проекта, сама «не знала о значении британских материалов [Митрохина] до конца 1998 года»²³. Мой собственный прямой контакт с рабочей группой ограничился приятным обедом с её председателем незадолго до Рождества 1998 года. Когда я давал показания Комитету, меня спросили, хотел ли бы я, работая над *Архивом Митрохина*, иметь более тесный контакт с этой группой. Да, хотел бы.

Расследование Комитета по делу Митрохина нашло не только поводы для критики, но и многое достойное похвалы:

Провести первоначальный контакт с господином Митрохиным до успешного вывоза его самого, его семьи и всех его материалов — это крупное достижение SIS. Кроме того, управление материалами и их передача, по мере необходимости, иностранным партнёрским разведывательным службам были осуществлены надлежащим образом. Комитет желает отдать должное этой выдающейся разведывательной работе.²⁴

Меня ободрило одобрение Комитетом решения 1996 года разрешить мне написать *Архив Митрохина* в сотрудничестве с самим Митрохиным, а также вывод Комитета — надеюсь, не будет чрезмерной нескромностью его процитировать, — что книга имеет «огромную ценность, поскольку даёт подлинное представление о работе КГБ и преследовании диссидентов».²⁵ Самая высокая похвала Комитета, совершенно справедливо, была адресована Василию Митрохину:

Комитет считает его человеком исключительной преданности и мужества, который рисковал тюремным заключением или смертью, стремясь к тому, чтобы правда о подлинной природе КГБ и его деятельности была рассказана, поскольку он считал, что эта деятельность предаёт интересы его собственной страны и народа. Он добился этого, и мы хотим официально выразить наше восхищение его достижением.

В отчёте Комитета выражено сожаление, что «неудачное освещение публикации *Архива Митрохина* в СМИ [по-видимому, со стороны Уайтхолла], позволившее сместить акцент на британских шпионов, отвлекло внимание от мужественной работы господина Митрохина и от важности разоблачений о деятельности КГБ, о которых он хотел рассказать».²⁶ В первоначальном освещении прессой почти не упоминалось, что значительно большая часть книги посвящена войне КГБ против диссидентов и его попыткам задушить инакомыслие по всему советскому блоку, а вовсе не карьерам Мелиты Норвуд и Джона Саймондса.

²³ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 13, 20, 26.

²⁴ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 4.

²⁵ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 4, 16. Ответ правительства приветствовал одобрение Комитета.

²⁶ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 4

Главная трудность в понимании как самого Митрохина, так и его архива, отчётливо проявившаяся во многом из того, что писали СМИ, состоит в том, что ни он, ни архив по-настоящему не укладываются в западные категории. Само понятие героя, знакомое всем другим культурам и всем прежним западным поколениям, вызывает на Западе начала XXI века больше скепсиса, чем когда-либо и где-либо в известной истории. Для тех, чьё воображение разъедено цинизмом эпохи, мысль о том, что Митрохин был готов двадцать лет рисковать жизнью ради дела, в которое страстно верил, почти непостижима. Почти столь же трудно понять его готовность посвятить весь этот период составлению и сохранению тайного архива, который, как он знал, мог никогда не увидеть света. Любому западному автору почти невозможно понять, как писатель мог многие годы отдавать всю свою энергию и творческий дар тайному писанию, которое могло так и не стать достоянием публики. Однако, как стремится показать первая глава, некоторые из величайших русских писателей советской эпохи поступали именно так.²⁷ Ни одна биография западного писателя не содержит предсмертной сцены, сопоставимой с описанием вдовы Михаила Булгакова: как она в последний раз помогла ему подняться с постели, чтобы перед смертью он убедился, что его великий неопубликованный шедевр, *Мастер и Маргарита*, возможно величайший роман XX века, всё ещё находится в своём тайнике. *Мастер и Маргарита* сохранился и был опубликован четверть века спустя. Однако отрезвляет мысль, что на каждый уцелевший запрещённый шедевр советской эпохи должно приходиться большее число тех, что не сохранились или даже теперь плесневеют в забытых тайниках, — как вполне мог бы плесневеть и архив Митрохина, если бы Митрохину и SIS не удалось вывезти его в Британию.

Архив Митрохина столь же невозможно понять в чисто западных категориях, как и самого Митрохина. Самая распространённая ошибка в истолковании КГБ состоит в предположении, что он был примерно равнозначен своим главным западным соперникам. Разумеется, существовали сходства в оперативных методах, применявшихся разведывательными службами Востока и Запада, а также в значении, которое каждая сторона придавала другой как объекту разведки. Однако фундаментальное различие между советским однопартийным государством и западными демократиями отражалось в фундаментальных различиях между их разведывательными сообществами.

Эти различия были особенно велики в сталинскую эпоху. В начале Второй мировой войны Сталин считал преследование НКВД в Мексике великого, хотя уже безвредного, еретика Льва Троцкого более важной задачей, чем сбор разведанных об Адольфе Гитлере. В середине войны параноидальный элемент, регулярно искажавший советскую разведывательную оценку, убедил руководителей советской разведки — и, несомненно, самого Сталина — в том, что «Великолепная пятёрка», вероятно самая способная группа иностранных агентов СССР, является частью грандиозной британской разведывательной дезинформации. В последние годы жизни Сталин временами был одержим охотой на часто воображаемых титоистов и сионистов. Его главной внешнеполитической целью к концу жизни, вполне возможно, стал план поручить нелегалу МГБ — позднее КГБ — убийство маршала Тито, сменившего Троцкого в роли главного еретика советского блока. Однажды Сталин назвал Лаврентия Берия, самого могущественного из своих руководителей

²⁷ См. ниже, с. 13–14.

разведки, «моим Гиммлером». Но на Западе не было начальника разведки, с которым Берию — или Гиммлера, главу СС, — можно было бы убедительно сравнить.

Даже после смерти Сталина и казни Берии в 1953 году между разведывательными приоритетами Востока и Запада сохранялись базовые различия. Пожалуй, самый простой способ определить, имеет ли тот или иной разведывательный доклад критическое значение, — задать вопрос: если он поступит посреди ночи, разбудили бы вы соответствующего министра? Ответ на этот вопрос в Москве часто был совершенно иным, чем в западных столицах. Например, 27 октября 1978 года резидент КГБ в Осло Леонид Макаров позвонил в предрассветные часы Михаилу Суслову, члену Политбюро, отвечавшему главным образом за идеологическую чистоту. Зачем? Не для того, чтобы сообщить о надвигающемся крупном международном кризисе, а чтобы доложить: русский диссидент Юрий Орлов не получил Нобелевскую премию мира. Резидентуру в Осло тепло поздравили с якобы проявленной «оперативной эффективностью» в достижении этого вполне предсказуемого результата.²⁸ Просто невозможно представить себе, чтобы западного министра разбудили по сопоставимому поводу.

Внутренняя одержимость КГБ выявлением и подавлением «идеологической диверсии» распространялась и на его зарубежные операции. Он стремился произвести впечатление на партийное руководство своим рвением в дискредитации диссидентов не только дома, но и за рубежом. Летом 1978 года Первое главное управление КГБ — внешняя разведка — и Пятое управление, занимавшееся идеологической диверсией, совместно организовали в Москве закрытый показ для аудитории из видных сотрудников КГБ и партийных деятелей выпускной речи писателя-диссидента Александра Солженицына в Гарвардском университете. Цель этого, по западным меркам, необыкновенного вечера состояла в том, чтобы попытаться продемонстрировать: благодаря усилиям КГБ Солженицын теперь является в Соединённых Штатах в значительной степени дискредитированной фигурой.²⁹ Миссия КГБ по дискредитации диссидентов, эмигрировавших на Запад, распространялась даже на диссидентствующих артистов балета, музыкантов и шахматистов.

Для западных СМИ, привыкших трактовать тайную сторону холодной войны как противостояние «шпион против шпиона», материалы Митрохина о войне КГБ против идеологической диверсии, в отличие от разоблачений отдельных шпионов, представляли мало интереса. Как и следовало ожидать, больший интерес эти материалы вызвали в странах бывшего советского блока — что отразилось, например, в количестве переводов *Архива Митрохина* на восточноевропейские языки. Приоритет, который КГБ отдавал поддержанию идеологической ортодоксии советского блока, проявился в том, что во время Пражской весны 1968 года он направил в Чехословакию больше сотрудников своей элитной группы нелегалов, чем, насколько известно, когда-либо использовал в любой операции против западной цели.

Главы *Архива Митрохина*, посвящённые холодной войне, уделяют равное внимание операциям КГБ против Соединённых Штатов и операциям против идеологической диверсии. Митрохин вынес из штаб-квартиры внешней разведки КГБ важные материалы об операциях против некоторых лидеров борьбы за демократию внутри советского блока, чьё необыкновенное нравственное мужество в конце концов одержало верх над огромной принудительной мощью КГБ и его союзников. Особенно

²⁸ См. ниже, с. 429–430.

²⁹ См. ниже, с. 418–419.

выделяются два примера. Первый — великий русский диссидент и учёный-ядерщик Андрей Сахаров, которого Юрий Андропов — последовательно председатель КГБ и советский лидер — называл «врагом общества номер один»; он пережил преследования КГБ и внутреннюю ссылку, чтобы стать, по словам Горбачёва, «несомненно самой выдающейся личностью» на Съезде народных депутатов 1989 года. Один из самых ярких зрительных образов распада советской системы, заслуживающий быть столь же известным, как разрушение Берлинской стены, — это Горбачёв и другие члены Политбюро, стоящие с непокрытыми головами у открытого гроба Сахарова после его внезапной смерти в декабре 1989 года.

Второй выдающийся случай — кардинал Кароль Войтыла, архиепископ Краковский, которого КГБ, по-видимому, уже в начале 1970-х годов считал своим самым опасным противником в советском блоке. Однако Войтылу защищали его нравственный авторитет и высокий сан. КГБ, как и польская Служба безопасности, отступал перед угрозой огромного общественного возмущения, которое вызвал бы его арест. В ретроспективе избрание Войтылы в 1978 году папой Иоанном Павлом II ознаменовало начало конца советского блока. Хотя польскую проблему с трудом удавалось сдерживать ещё на протяжении следующего десятилетия, решить её уже было невозможно.

Организация, которая после публикации *Архива Митрохина* изучала его с самым пристальным вниманием, — это СВР, глубоко обеспокоенная его содержанием. Ни одна разведывательная служба не может рассчитывать ни на вербовку новых агентов, ни на сохранение лояльности уже имеющих, если не способна убедить их в том, что сумеет хранить их тайны бесконечно. СВР теперь находится в невыгодном положении для таких заверений. Благодаря Митрохину никто из тех, кто шпионил в пользу Советского Союза в любой период между Октябрьской революцией и кануном горбачёвской эпохи, уже не может быть уверен, что его или её тайны по-прежнему в безопасности. Материалы Митрохина содержат также сведения об операциях холодной войны, проводившихся нынешним главой СВР Вячеславом Трубниковым и другими бывшими старшими офицерами КГБ. Второй том будет включать главу о деятельности КГБ в Индии, где Трубников сделал себе имя. Если прошлые тайны руководства СВР оказались небезопасны, агенты СВР вполне могут заключить, что небезопасны и их собственные.

С того момента, как архив Митрохина прибыл в Британию, SIS поняла, что его содержание имеет «исключительное контрразведывательное значение, не только проливая свет на прошлую деятельность КГБ против западных стран, но и обещая нейтрализовать многие нынешние российские активы». ЦРУ также сочло архив «крупнейшим контрразведывательным подарком послевоенного периода». ФБР было с этим согласно. Как показывает отчёт Комитета по разведке и безопасности, другие западные разведывательные службы также были «чрезвычайно благодарны» за многочисленные контрразведывательные наводки, предоставленные архивом Митрохина.³⁰

Некоторое представление о смятении внутри СВР, которое должна была вызвать публикация *Архива Митрохина*, даёт досье — законспектированное Митрохиным — на книгу о КГБ, опубликованную американским журналистом Джоном Барроном четверть века назад. Штаб-квартира КГБ распорядилась подготовить не менее 370 докладов в попытке оценить ущерб, нанесённый её интересам различными разделами книги Баррона.³¹ Разоблачения Митрохина, несомненно, привели

³⁰ Intelligence and Security Committee, *The Mitrokhin Inquiry Report*, с. 4.

³¹ См. ниже, с. 25.

к ещё большему числу оценок ущерба, чем книга Баррона. Уже имеются неподдающиеся прямой атрибуции свидетельства усилий СВР сделать так, чтобы ни один архивист больше никогда не обладал тем неограниченным доступом к делам, каким пользовался Митрохин.

Как и Первое главное управление КГБ, СВР имеет подразделение «активных мероприятий» — департамент MS, специализирующийся на дезинформации, которому неизбежно было поручено попытаться подорвать доверие к *Архиву Митрохина*.³² Дважды после публикации книги оно направляло к западным разведывательным службам мнимых российских перебежчиков, каждый из которых рассказывал одну и ту же историю об *Архиве Митрохина*. По утверждению этих «перебежчиков», СВР решила провести масштабную чистку избыточных и ушедших в отставку агентов, унаследованных от КГБ, и потому выбрала бывшего архивиста КГБ — Василия Митрохина, — чтобы передать их имена Западу.³³

Это плохо продуманное активное мероприятие оказалось контрпродуктивным по двум причинам. Во-первых, целый ряд западных разведывательных служб уже успел установить, что материалы Митрохина были слишком ценны для них, чтобы СВР могла добровольно сделать их доступными. Во-вторых, оба лже-«перебежчика» были быстро и окончательно разоблачены как подставные лица СВР. Вся эта история лишь подчеркнула глубокую тревогу СВР по поводу ущерба, нанесённого материалами Митрохина её агентурным операциям. Настроения там едва ли улучшило знание о том, что во втором томе последует ещё множество разоблачений. Амбиция Митрохина — неизменная уже почти тридцать лет — по-прежнему состоит в том, чтобы опубликовать как можно большую часть сверхсекретных материалов, которые он рисковал жизнью, собирая.

³² КГБ сходным образом пытался дискредитировать книгу Andrew and Gordievsky, *KGB: The Inside Story*, после её публикации в 1990 году, утверждая, что самое широко разрекламированное её разоблачение — установление Джона Кэрнкросса как «пятого человека» и первого агента, предупредившего о планах создания атомной бомбы, — было ошибочным. Теперь СВР признаёт, что это установление было верным в обоих отношениях.

³³ При разработке этого неудачного активного мероприятия департамент MS, возможно, был воодушевлён тем, что две отчасти сходные версии независимо появились в западных СМИ. Автор в *Le Monde* предположил, что «...операция с архивом Митрохина была организована в Москве либо недисциплинированной сталинистской фракцией в КГБ, либо временным руководством [разведывательных] служб в период между ноябрём 1991 и февралем 1992 года» («Voyages en mémoire soviétique», *Le Monde*, 5 ноября 1999). В своей рецензии на *Архив Митрохина* в *The Times Literary Supplement* от 26 ноября 1999 года доктор Эми Найт также не могла «не задаться вопросом, не получил ли [Митрохин] некоторую помощь от своих бывших работодателей в разглашении архивных секретов КГБ». «Это, — добавила она, — отнюдь не выглядит неправдоподобным предположением». Более ранняя рецензия доктора Найт на мою книгу, написанную совместно с Олегом Гордиевским, *KGB: The Inside Story*, содержала эксцентричное предположение, что я, возможно, не писал длинного введения (*TLS*, 7 декабря 1990). Моя собственная рецензия на книгу доктора Найт *Spies Without Cloaks* ясно показывает моё уважение к её исследованиям российской разведки. Однако в её работах временами присутствует лёгкий элемент конспирологии — что видно, например, в её предположении в *Spies Without Cloaks*, будто Горбачёв был причастен к попытке переворота против него в августе 1991 года.

ГЛАВА 1. АРХИВ МИТРОХИНА

Эта книга основана на беспрецедентном и неограниченном доступе к одному из самых тайных и тщательно охраняемых архивов мира — архиву внешней разведки КГБ, Первого главного управления. До сих пор нынешняя российская служба внешней разведки — СВР — была совершенно уверена, что подобная книга не может быть написана. Когда в декабре 1996 года немецкий журнал *Focus* сообщил, что бывший офицер КГБ бежал в Британию с «именами сотен русских шпионов», представитель СВР Татьяна Самолис немедленно высмеяла всю эту историю как «полную чепуху». «Сотни людей! Такого просто не бывает! — заявила она. — Любой перебежчик мог бы знать имя одного, двух, может быть, трёх агентов, но не сотен!»¹

Однако действительность оказалась куда более поразительной, чем даже та история, которую СВР отвергла как невозможную. Бежавший офицер КГБ привёз с собой в Британию сведения не о нескольких сотнях, а о тысячах советских агентов и сотрудников разведки во всех частях света. Среди них были и «нелегалы», жившие за границей под глубоким прикрытием, выдавая себя за граждан других стран. Теперь уже никто из тех, кто когда-либо шпионил в пользу Советского Союза — от времени Октябрьской революции до кануна эпохи Горбачёва, — не мог быть уверен, что его тайны по-прежнему надёжно скрыты.

Когда в 1992 году британская Секретная разведывательная служба вывезла этого перебежчика и его семью из России, она вывезла также шесть ящиков с обширными записями, которые он почти ежедневно вёл на протяжении двенадцати лет, до своего выхода в отставку в 1984 году. Эти записи были сделаны по совершенно секретным материалам КГБ, восходившим ещё к 1918 году. Впоследствии американское ФБР назвало содержимое этих ящиков «самой полной и обширной разведывательной информацией, когда-либо полученной из какого-либо источника».

Офицер КГБ, собравший этот необычайный архив, — Василий Никитич Митрохин — ныне является британским гражданином. Он родился в Центральной России в 1922 году и начал свою карьеру советского офицера внешней разведки в 1948 году, в то время, когда внешнеразведывательные органы МГБ — будущего КГБ — и ГРУ, советской военной разведки, были временно объединены в Комитете информации.² К тому времени, когда Митрохин был направлен в свою первую зарубежную командировку в 1952 году,³ Комитет уже распался, и МГБ возобновило своё традиционное соперничество с ГРУ.

¹ Независимая газета, 10 декабря 1996 г.; сообщения Reuters, 10 декабря 1996 г.

² Если не указано иное, рассказ о карьере Митрохина основан на его собственных воспоминаниях. Из-за опасений за своих родственников в России он не хочет раскрывать подробности о своей семье. СВР по-прежнему крайне враждебно относится к перебежчикам из КГБ, независимо от их мотивов. Большинство из них, даже если они, как Олег Гордиевский, предали не Россию, а уже дискредитированное советское однопартийное государство по идеологическим убеждениям, всё ещё фактически находятся под смертным приговором. Хотя их родственники уже не подвергаются открытым преследованиям, как в советское время, многие из них по понятным причинам предпочитают оставаться неназванными.

³ По личным причинам Митрохин не хочет раскрывать место своей зарубежной командировки, где он работал под вымышленным именем.

Первые пять лет его службы в разведке прошли в атмосфере подозрительности и страха, порождённой последним этапом сталинской диктатуры. Тогда разведывательным органам было приказано вести по всему советскому блоку охоту на ведьм — искать главным образом вообразимые титоистские и сионистские заговоры.

В январе 1953 года МГБ было официально обвинено в «недостаточной бдительности» при разоблачении заговорщиков. Советское информационное агентство ТАСС сделало сенсационное заявление: будто на протяжении последних нескольких лет мировой сионизм и западные разведывательные службы вступили в сговор с «террористической группой» еврейских врачей, чтобы «уничтожить руководство Советского Союза». В последние два месяца правления Сталина МГБ изо всех сил старалось доказать свою возросшую бдительность, преследуя участников этого несуществующего заговора. Его антиссионистская кампания на деле была не более чем плохо замаскированным антисемитским погромом.

Незадолго до внезапной смерти Сталина в марте 1953 года Митрохину было поручено расследовать предполагаемые сионистские связи парижского корреспондента «Правды» Юрия Жукова, который попал под подозрение из-за еврейского происхождения своей жены. У Митрохина сложилось впечатление, что жестокий сталинский руководитель органов безопасности Лаврентий Павлович Берия намеревался вплести Жукова в мнимый заговор еврейских врачей. Однако через несколько недель после похорон Сталина Берия внезапно объявил, что никакого заговора не существовало, и оправдал предполагаемых заговорщиков.

К лету 1953 года большинство коллег Берии по Президиуму объединил страх перед другим заговором: они опасались, что сам Берия может готовить государственный переворот, чтобы занять место Сталина. В июле, находясь в одной из зарубежных столиц, Митрохин получил совершенно секретную телеграмму с указанием расшифровать её лично. Он был поражён, когда обнаружил, что Берия обвинён в «преступной антипартийной и антигосударственной деятельности». Лишь позднее Митрохин узнал, что Берия был арестован 26 июня на специальном заседании Президиума после заговора, организованного его главным соперником — Никитой Сергеевичем Хрущёвым.

Из тюремной камеры Берия писал своим прежним товарищам жалобные письма, униженно моля их сохранить ему жизнь и «найти для меня самую малую работу»:

Вы увидите, что через два-три года я вполне поправлюсь и ещё буду вам полезен...
Прошу товарищей простить меня за то, что пишу несколько бессвязно и плохо — из-за моего состояния, а также из-за плохого освещения и отсутствия пенсне.

Но товарищи, уже не испытывавшие перед ним прежнего страха, лишь насмеялись над тем, как он потерял самообладание.

24 декабря было объявлено, что Берия казнён после суда Верховного суда. Поскольку ни его ответственность за массовые убийства сталинской эпохи, ни его собственная репутация серийного насильника несовершеннолетних девочек не могли быть публично упомянуты — из опасения опорочить коммунистический режим, — его вместо этого признали виновным в фантастическом заговоре: якобы он стремился «возродить капитализм и восстановить власть буржуазии» в союзе с британской и другими западными разведками.

Так Берия, вслед за Ягодой и Ежовым в 1930-е годы, стал третьим советским руководителем органов безопасности, расстрелянным за преступления, среди которых значилась служба воображаемым британским тайным агентом. В подлинно сталинской традиции подписчиком *Большой советской энциклопедии* было рекомендовано «маленьким ножом или лезвием бритвы» удалить статью о Берии и вставить вместо неё новую статью — о Беринговом море.⁴

Первым официальным отречением от сталинизма стала знаменитая ныне секретная речь Хрущёва на закрытом заседании XX съезда Коммунистической партии Советского Союза в феврале 1956 года. Хрущёв заявил, что сталинский «культ личности» стал причиной «целого ряда чрезвычайно серьёзных и тяжких извращений партийных принципов, партийной демократии и революционной законности».

О содержании этой речи партийная организация КГБ была уведомлена секретным письмом Центрального комитета. Секция, к которой принадлежал Митрохин, обсуждала его два дня. Он до сих пор живо помнит вывод председателя секции Владимира Васильевича Женихова, впоследствии резидента КГБ в Финляндии: «Сталин был бандитом!» Некоторые члены партии были слишком потрясены — или слишком осторожны, — чтобы что-либо сказать. Другие согласились с Жениховым. Но никто не осмелился задать вопрос, который, как был убеждён Митрохин, стоял у всех на уме: «А где был Хрущёв, когда совершались все эти преступления?»

После секретной речи Митрохин стал слишком откровенным — себе во вред. Хотя его критика того, как управлялся КГБ, была по западным меркам весьма умеренной, в конце 1956 года его перевели с оперативной работы в архив Первого главного управления. Его основной обязанностью стало отвечать на запросы других отделов и провинциальных управлений КГБ.⁵ Там Митрохин обнаружил, что личный архив Берии был уничтожен по приказу Хрущёва, чтобы не осталось следов компрометирующих материалов, которые Берия собирал на своих бывших коллег. Иван Александрович Серов, председатель КГБ с 1954 по 1958 год, послушно доложил Хрущёву, что эти дела содержали много «провокационного и клеветнического» материала.⁶

Митрохин был страстным читателем русских писателей, оказавшихся в опале в последние годы сталинского правления и вновь начавших печататься в середине 1950-х годов. Первым крупным литературным событием в Москве после смерти Сталина стала публикация в 1954 году — впервые с 1945-го — новых стихотворений Бориса Пастернака, последнего из ведущих русских писателей, начавших свой путь ещё до революции. Они были напечатаны в литературном журнале под названием «Стихотворения из романа “Доктор Живаго”» и сопровождалась кратким описанием эпического, но ещё не завершённого произведения, в которое должны были войти.

Однако завершённый текст *Доктора Живаго*, проследивавший извилистую судьбу загадочного героя от последних лет царского режима до ранних лет советской власти, был признан слишком подрывным для публикации и в 1956 году официально отклонён. В романе, когда Живаго слышит весть о большевистской революции, «он был потрясён и подавлен величием минуты и думал о её

⁴ Об аресте Берии см.: Москаленко, «Арест Берии»; Волкогонов, *Взлёт и падение Советской империи*, с. 185–193; Найт, *Берия*, гл. 9.

⁵ Архивы Первого главного управления, которые в 1956 году назывались Отделом оперативного учёта, позднее были переименованы в Двенадцатый, а затем в Пятнадцатый отдел.

⁶ Волкогонов, *Взлёт и падение Советской империи*, с. 194.

значении для грядущих веков». Но далее Пастернак передаёт несомненное ощущение духовной пустоты режима, возникшего из этой революции. Ленин у него — «воплощённое возмездие», а Сталин — «рябой Калигула».

Пастернак стал первым советским писателем с 1920-х годов, который обошёл запрет на публикацию своего произведения в России, издав его за границей. Передавая машинопись *Доктора Живаго* представителю своего итальянского издателя Джанджакомо Фельтринелли, он с печальным смехом сказал: «Тем самым вы приглашаетесь присутствовать при моём расстреле!» Вскоре после этого, действуя по официальным указаниям, Пастернак отправил Фельтринелли телеграмму с требованием снять роман с публикации; в частном же письме он велел ему продолжать.

Впервые изданный на итальянском языке в ноябре 1957 года, *Доктор Живаго* стал бестселлером на двадцати четырёх языках. Некоторые западные критики приветствовали его как величайший русский роман со времён толстовского *Воскресения*, опубликованного в 1899 году. Официальное возмущение Москвы успехом *Доктора Живаго* усилилось после присуждения Пастернаку Нобелевской премии по литературе за 1958 год. В телеграмме Шведской академии Пастернак заявил, что он «безмерно благодарен, тронут, горд, удивлён, смущён». Однако газета Союза советских писателей *Литературная газета* заклеила его как «литературного Иуду, предавшего свой народ за тридцать сребренников — Нобелевскую премию». Под огромным официальным давлением Пастернак отправил в Стокгольм телеграмму, в которой отказался принять премию «ввиду значения, приданного этой награде в обществе, к которому я принадлежу».⁷

Хотя Пастернак не принадлежал к числу его любимых писателей, Митрохин видел в официальном осуждении *Доктора Живаго* характерное проявление культурного варварства Хрущёва. «Развитие литературы и искусства в социалистическом обществе, — грубо настаивал Хрущёв, — происходит... под руководством партии». Митрохин был настолько возмущён неосталинистскими нападками московского литературного истеблишмента на Пастернака, что в октябре 1958 года отправил в *Литературную газету* анонимное письмо протеста.

Чтобы скрыть свой почерк, он написал письмо левой рукой, но ещё долго тревожился, что его личность всё же могут установить. Из дел КГБ Митрохин знал, какие огромные средства нередко бросались на поиски авторов анонимных писем. Он даже опасался, что, облизав клей на обратной стороне конверта перед тем, как запечатать его, дал возможность лаборатории КГБ определить его по слюне. Вся эта история лишь усилила его недовольство тем, что после своей секретной речи 1956 года Хрущёв так и не провёл последовательной десталинизации. Митрохин подозревал, что именно Хрущёв лично распорядился преследовать Пастернака — в назидание всем, кто мог бы решиться бросить вызов его власти.

Однако тогда Митрохин ещё возлагал надежды не на свержение советского режима, а на появление нового руководителя, менее запятнанного сталинским прошлым, чем Хрущёв. Когда в конце 1958 года Серова на посту председателя КГБ сменил один из его главных критиков — Александр Николаевич Шелепин, — Митрохин поверил, что такой руководитель появился.

Сорокалетний Шелепин приобрёл известность как командир партизанского отряда во время Второй мировой войны. Будучи главой Коммунистического союза молодёжи — комсомола — с 1952 по 1958

⁷ Флейшман, *Борис Пастернак*, гл. 11–12; Леви, *Борис Пастернак*, гл. 8–9.

год, он мобилизовал тысячи молодых людей на хрущёвскую кампанию освоения целины, призванную превратить обширные степные пространства в пахотные земли. Хотя позднее многие новые колхозы были погублены эрозией почвы, в первые годы эта кампания казалась блистательным успехом. Советская кинохроника показывала бесконечные ряды комбайнов, движущихся по волнующимся хлебным полям, уходящим к самому горизонту.

Как и надеялся Митрохин, Шелепин быстро проявил себя в КГБ как человек новой метлы: он заменил многих старых сталинистов способными молодыми выпускниками комсомольской школы. Митрохина впечатляло и то, как Шелепин выступал по телевидению: он лишь коротко заглядывал в записи, а затем говорил прямо к зрителю — вместо того чтобы, как большинство советских руководителей, деревянно читать заранее подготовленный текст.

Шелепин стремился создать для КГБ новый общественный образ. «Нарушения социалистической законности, — утверждал он в 1961 году, — полностью устранены... Чекисты могут смотреть партии и советскому народу в глаза с чистой совестью». Митрохин запомнил Шелепина также за проявленную им личную доброту к одному из его близких родственников.

Как до него Берия и после него Андропов, Шелепин стремился гораздо дальше, чем к одному лишь председательству в КГБ. Когда ещё двадцатилетним студентом университета его однажды спросили, кем он хочет стать, он, по словам русского историка Роя Медведева, сразу ответил: «Начальником».⁸ Шелепин рассматривал КГБ как ступень в карьере, которая, как он рассчитывал, должна была привести его к посту первого секретаря КПСС.

В декабре 1961 года он покинул КГБ, но продолжал надзирать за его работой уже в качестве председателя нового могущественного Комитета партийно-государственного контроля. Новым председателем КГБ стал молодой, но менее энергичный протеже Шелепина — тридцатисемилетний Владимир Ефимович Семичастный. По указанию Хрущёва Семичастный возобновил чистку архивов от материалов, слишком живо напоминавших о сталинском прошлом Президиума: он распорядился уничтожить девять томов дел о ликвидации членов Центрального комитета, высокопоставленных разведчиков и иностранных коммунистов, живших в Москве в сталинскую эпоху.⁹

Митрохин продолжал видеть в Шелепине будущего первого секретаря и потому не был удивлён, когда тот стал одним из руководителей заговора, свергнувшего Хрущёва в 1964 году. Однако воспоминания о Берии были ещё слишком свежи в памяти большинства членов Президиума, чтобы они согласились принять во главе партии бывшего руководителя органов безопасности. Для большинства его коллег Леонид Ильич Брежнев, сменивший Хрущёва на посту первого — позднее генерального — секретаря, казался фигурой куда более успокоительной: приветливый, не слишком тяжеловесный, терпеливый в примирении противостоящих группировок, хотя и достаточно искусный в устранении политических соперников.

К 1967 году Брежнев почувствовал себя достаточно сильным, чтобы сместить непопулярного Семичастного и отодвинуть всё ещё честолюбивого Шелепина. Того сняли с поста главы Комитета партийно-государственного контроля и назначили председателем сравнительно маловлиятельного

⁸ Найт, *КГБ*, с. 64–65.

⁹ к-9, 183.

Совета профсоюзов. Придя в свой новый просторный кабинет, Шелепин обнаружил, что его предшественник Виктор Гришин устроил в соседней комнате то, что Медведев позднее эфемистически назвал «специально оборудованным массажным кабинетом». Шелепин отомстил за своё понижение тем, что стал распространять по Москве рассказы о сексуальных похождениях Гришина.¹⁰

Главным выигравшим от падения Семичастного и отстранения Шелепина стал Юрий Владимирович Андропов, назначенный председателем КГБ. У Андропова было то, что некоторые его сотрудники называли «венгерским комплексом». Будучи советским послом в Будапеште во время Венгерского восстания 1956 года, он с ужасом наблюдал из окон посольства, как офицеров ненавистной венгерской службы безопасности вешали на фонарных столбах. До конца жизни Андропова преследовало воспоминание о том, с какой быстротой казавшееся всемогущим коммунистическое однопартийное государство начало рушиться.

Когда позднее другие коммунистические режимы оказывались под угрозой — в Праге в 1968 году, в Кабуле в 1979-м, в Варшаве в 1981-м, — он был убеждён, что, как и в Будапеште в 1956 году, только вооружённая сила может обеспечить их выживание.¹¹ После ухода из Венгрии в 1957 году Андропов возглавлял отдел Центрального комитета, отвечавший за отношения с коммунистическими партиями советского блока. Его назначение в 1967 году первым высокопоставленным партийным чиновником, поставленным во главе КГБ, должно было обеспечить политический контроль над системой безопасности и разведки. Впоследствии Андропов стал самым долговечным и политически проницательным из всех руководителей КГБ, завершив свои пятнадцать лет на посту председателя тем, что в 1982 году сменил Брежнева на посту генерального секретаря.

Первым крупным кризисом в годы Андропова в КГБ стала попытка чехословацких реформаторов Пражской весны создать то, что Кремль считал недопустимо еретическим «социализмом с человеческим лицом». Как и секретная речь Хрущёва, вторжение войск Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 года стало важной вехой в том, что Митрохин называл своей «интеллектуальной одиссеей».

Во время Пражской весны Митрохин находился в Восточной Германии и мог слушать передачи о событиях в Чехословакии на русских службах Би-би-си, «Радио Свобода», «Немецкой волны» и Канадской радиовещательной корпорации. Но у него не было никого, с кем он мог бы открыто разделить своё сочувствие пражским реформам.

Особенно сильное впечатление на него произвёл один эпизод, случившийся примерно за месяц до того, как советские танки вошли в Прагу. Офицер отдела V Первого главного управления, занимавшегося «специальными задачами», полковник Виктор Рябов сказал Митрохину, что «едет на несколько дней в Швецию», но выражением лица дал понять, что Швеция вовсе не является его настоящим пунктом назначения. Через несколько дней после возвращения Рябов сказал Митрохину, что в завтрашней *Правде* появится интересная статья, намекнув, что она связана с его миссией.

¹⁰ Медведев, *Андропов*, с. 56.

¹¹ Эндрю и Гордиевский, *КГБ*, с. 434–435, 483–484; Арбатов, *Система*, с. 266; Доббс, *Down With Big Brother*, с. 13.

Когда на следующий день Митрохин прочитал сообщение о том, что в Чехословакии обнаружен «империалистический склад оружия», он сразу понял: этот склад был подброшен Рябовым и другими офицерами отдела V, чтобы очернить реформаторов.

Вскоре после подавления Пражской весны Митрохин услышал речь Андропова в восточногерманской штаб-квартире КГБ в Карлсхорсте, в пригороде Берлина. Подобно Шелепину, Андропов говорил прямо к слушателям, а не держался — как большинство советских чиновников — за заранее подготовленный, полный банальностей текст. С его аскетичным обликом, серебристыми волосами, зачёсанными назад над высоким лбом, очками в стальной оправе и интеллектуальной манерой Андропов казался весьма далёким от сталинских головорезов вроде Берии и Серова.

Его объяснение вторжения в Чехословакию было куда более изощрённым, чем то, которое давали советской публике. По его словам, это был единственный способ сохранить советскую безопасность и новый европейский порядок, возникший после Великой Отечественной войны. Эта объективная политическая необходимость, утверждал Андропов, признавалась даже такими неортодоксальными фигурами, как великий физик Пётр Капица, который поначалу проявлял некоторое сочувствие к пражским ревизионистам.

Митрохин же сделал из вторжения войск Варшавского договора совершенно иные выводы. Уничтожение чехословацкого «социализма с человеческим лицом» доказало ему, что советская система не поддаётся реформированию. Он до сих пор живо помнил странный, почти мифологический образ, который с тех пор всё чаще вставал перед его внутренним взором: русский народ, порабощённый «трёхголовой гидрой» — Коммунистической партией, привилегированной номенклатурой и КГБ.

После возвращения из Восточной Германии в Москву Митрохин продолжал слушать западные радиопередачи, хотя из-за советского глушения ему часто приходилось менять волны, чтобы найти слышимую станцию. Нередко до него доходили лишь обрывки новостей. Среди сообщений, произведших на него самое сильное впечатление, были материалы о *Хронике текущих событий* — самиздатском журнале, который советские диссиденты начали выпускать в 1968 году, чтобы распространять сведения о борьбе против нарушений прав человека. На титульном листе *Хроники* помещалась гарантия свободы выражения мнений из Всеобщей декларации прав человека ООН — гарантия, ежедневно попираемая в Советском Союзе.

По мере того как борьба с «идеологической диверсией» усиливалась, Митрохин видел всё больше примеров того, как КГБ почти по своему произволу управлял советской судебной системой. Позднее он переписал льстивое поздравление, отправленное Андропову председателем Верховного суда СССР А. Ф. Горкиным к пятидесятилетию основания ВЧК в декабре 1967 года:

Советские суды и Комитет государственной безопасности СССР — ровесники. Но не это главное, что нас объединяет; главное — единство наших задач...

Мы с удовлетворением отмечаем, что органы государственной безопасности и суды решают все свои сложные задачи в духе взаимопонимания и прочных профессиональных отношений.¹²

Митрохин находил всё больше свидетельств — и в закрытом внутреннем журнале *Сборник КГБ*, и в материалах Первого главного управления — личной одержимости Андропова уничтожением инакомыслия во всех его формах. Андропов настойчиво утверждал, что борьба за права человека является частью широкого империалистического заговора, направленного на подрыв основ советского государства.

В 1968 году Андропов издал приказ председателя КГБ № 0051 «О задачах органов государственной безопасности в борьбе с идеологической диверсией противника», требуя усилить наступательность в борьбе как с диссидентами внутри страны, так и с их империалистическими покровителями.¹³ Одним из примеров этой возросшей агрессивности, вызвавшим у Митрохина — страстного поклонника Кировского балета — чувство личного возмущения, был обнаруженный им в делах Первого главного управления план покалечить звёздного перебежчика балета Рудольфа Нуреева.¹⁴

К началу 1970-х годов политические взгляды Митрохина находились под глубоким влиянием диссидентской борьбы, за которой он мог следить и по документам КГБ, и по западным передачам. «Я был одиночкой, — вспоминает он, — но теперь я знал, что я не один». Хотя Митрохин никогда не помышлял открыто присоединиться к движению за права человека, пример *Хроники текущих событий* и других самиздатских изданий помог внушить ему мысль о создании своего рода засекреченного варианта диссидентских попыток документировать беззакония советской системы.

Постепенно в его сознании начал складываться замысел: составить собственную тайную летопись зарубежных операций КГБ.

Возможность осуществить этот замысел представилась Митрохину в июне 1972 года, когда Первое главное управление — внешняя разведка — покинуло свои переполненные кабинеты в центре Москвы, в штаб-квартире КГБ на Лубянке, некогда дореволюционном здании страхового общества «Россия», и переехало в новое здание к юго-востоку от Москвы, в Ясенево, в полумиле за внешней кольцевой дорогой.

Главное семизэтажное административное здание, построенное по проекту финского архитектора и имевшее форму буквы Y, с одной стороны примыкало к актовому залу и библиотеке, а с другой — к поликлинике, спортивному комплексу и бассейну. Из окон открывались приятные виды на холмы, покрытые берёзами, зелёные пастбища, а летом — на поля пшеницы и ржи. В других управлениях

¹² к-25,1.

¹³ к-1,191. Поскольку диссиденты имели реальные или воображаемые связи с Западом, а некоторые их лидеры были высланы из страны, архивы Первого главного управления включали материалы о них как из Второго главного управления, занимавшегося внутренней безопасностью, так и из Пятого управления, созданного Андроповым для борьбы с внутренней идеологической подрывной деятельностью.

¹⁴ Позднее Митрохин нашёл свидетельства похожих планов — помешать танцевальной карьере другой беглянки из Кировского балета, Наталии Макаровой.

КГБ, большинство которых работало в тесных помещениях в центре Москвы, Ясенево называли — скорее с завистью, чем с пренебрежением — «Лесом».

В течение следующих десяти лет, работая в отдельных кабинетах и на Лубянке, и в Ясенево, Митрохин единолично отвечал за проверку и опечатывание примерно трёхсот тысяч дел¹⁵ из архива Первого главного управления перед их передачей в новую штаб-квартиру. Руководя проверкой дел, составлением описей и заполнением карточек, Митрохин мог просматривать в одном из своих кабинетов любые материалы, какие пожелает.

Лишь немногие сотрудники КГБ, помимо Митрохина, когда-либо проводили столько времени за чтением — а тем более конспектированием — материалов внешней разведки. За пределами архива Первого главного управления такой же неограниченный доступ имели только самые высокопоставленные офицеры, но ни у кого из них не было времени прочитать хотя бы малую часть того, что успел изучить и записать Митрохин.

Обычный распорядок его недели был таков: по понедельникам, вторникам и пятницам он работал в своём кабинете в Ясенево. По средам он ездил на Лубянку, чтобы заниматься самыми секретными делами Первого главного управления — материалами управления «С», которое руководило «нелегалами»: сотрудниками и агентами КГБ, большей частью советскими гражданами, действовавшими за границей под глубоким прикрытием, выдавая себя за иностранцев. После того как Митрохин проверял очередную партию дел, их помещали в опечатанные контейнеры, которые по четвергам утром перевозили в Ясенево. Митрохин сопровождал эти материалы и проверял их по прибытии.¹⁶ В отличие от других отделов, переехавших в новую штаб-квартиру внешней разведки в 1972 году, управление «С» ещё целое десятилетие оставалось на Лубянке.

Так Митрохин оказался в положении человека, который больше всего времени имел дело с материалами управления «С» — самой секретной части Первого главного управления, — больше, чем с делами любого другого подразделения советской внешней разведки. «Нелегалы» сохраняли в КГБ особую, почти мистическую славу. Перед отправкой за границу каждый кадровый нелегал должен был принести торжественную, хотя и несколько мелодраматическую, клятву:

Высоко ценя доверие, оказанное мне партией и Родиной, и будучи проникнут чувством глубокой благодарности за решение направить меня на передний край борьбы за интересы моего народа... как достойный сын Отечества, я предпочту погибнуть, нежели выдать доверенные мне тайны или передать в руки противника материалы, способные нанести политический ущерб интересам государства. С каждым ударом сердца, с каждым прожитым днём я клянусь служить партии, Родине и советскому народу.¹⁷

Из дел следовало, что до Второй мировой войны самые крупные зарубежные успехи были достигнуты легендарной группой разведчиков, которых часто называли «великими нелегалами».

¹⁵ Приблизительный размер архива Первого главного управления около 1970 года указан в томе 6, главе 2, части 1.

¹⁶ Когда Управление «С» Первого главного управления на Лубянке просило ознакомиться с одним из дел, переданных в Ясенево, Митрохин также отвечал за его возвращение.

¹⁷ К-16,506.

После войны КГБ пытался возродить довоенные достижения, создавая широкую сеть «нелегальных резидентур» наряду с «легальными резидентурами», действовавшими в иностранных столицах под дипломатическим или иным официальным прикрытием.

Материалы управления «С» раскрывали и действительно выдающиеся личные достижения. Нелегалам КГБ удавалось успешно принимать вымышленные личности иностранных граждан в самых разных профессиях — от посла Коста-Рики до настройщика пианино и даже губернатора Нью-Йорка. Даже в эпоху Горбачёва пропаганда КГБ продолжала изображать советского нелегала высшим воплощением рыцарского идеала в служении тайной разведке. Бывший британский агент КГБ Джордж Блейк писал в 1990 году:

Только человек, глубоко верящий в идеал и служащий великому делу, согласится избрать такую карьеру, хотя слово «призвание» здесь, пожалуй, уместнее. Только разведывательная служба, работающая во имя великого дела, может требовать от своих сотрудников такой жертвы. Поэтому, насколько мне известно, во всяком случае в мирное время, только советская разведка имеет «нелегальных резидентов».¹⁸

СВР продолжает традицию кэбгбистского прославления нелегалов. В июле 1995 года, через месяц после смерти самого известного нелегала американского происхождения Морриса Коэна, президент Ельцин посмертно присвоил ему звание Героя Российской Федерации.

Однако материалы управления «С», законспектированные Митрохиным, показывают совсем иной тип нелегала. Наряду с убеждёнными сотрудниками Первого главного управления, которые сохраняли прикрытие и профессиональную дисциплину на протяжении всей командировки, были и другие — те, кто не выдерживал столкновения между советским пропагандистским образом капиталистической эксплуатации и реальностью западной жизни.

Ещё более мрачная тайна документов управления «С» состояла в том, что в последнюю четверть века существования Советского Союза одним из главных назначений нелегалов стал поиск и компрометация диссидентов в других странах Варшавского договора. Грязная борьба против «идеологической диверсии» была такой же обязанностью управления «С», как и всего остального Первого главного управления.

Понятно, что в 1972 году, приступая к созданию своего запретного архива Первого главного управления, Митрохин действовал с величайшей осторожностью. Несколько недель он пытался запоминать имена, клички и ключевые факты из дел, а вечером, вернувшись домой, записывать их по памяти. Но вскоре он отказался от этого способа как слишком медленного и громоздкого. Тогда он начал делать записи мельчайшим почерком на клочках бумаги, которые сминал и бросал в свою корзину для мусора.

Каждый вечер он доставал эти записки из корзины и выносил их из Ясенева, спрятав в обуви. Постепенно Митрохин осмелел: он убедился, что охрана в Ясеневе ограничивается лишь редкими проверками сумок и портфелей и не проводит личных досмотров. Через несколько месяцев он стал делать записи уже на обычных листах служебной бумаги и выносить их из кабинета в карманах пиджака и брюк.

¹⁸ Блейк, *No Other Choice*, с. 265.

Ни разу за двенадцать лет, в течение которых Митрохин делал выписки из архивов Первого главного управления, его не остановили и не обыскали. Однако были минуты крайней тревоги. Время от времени он понимал, что за ним, как и за другими сотрудниками Первого главного управления, ведут наружное наблюдение — вероятно, группы Седьмого управления, занимавшегося слежкой, или Второго главного управления, отвечавшего за контрразведку.

Однажды, когда за ним следили, он зашёл в спортивный магазин футбольного клуба «Динамо» и, к своему ужасу, оказался рядом с двумя англичанами. Наблюдавшие за ним могли заподозрить, что это шпионы, с которыми у него назначена встреча. Если бы его обыскали, записи по совершенно секретным делам были бы немедленно обнаружены. Митрохин поспешно перешёл в другие спортивные магазины, надеясь убедить своих наблюдателей, что он действительно занят покупками.

Однако, подходя к своему дому, он заметил двух мужчин возле двери своей квартиры на девятом этаже. К тому времени, когда он поднялся, они исчезли. Сотрудники Первого главного управления имели постоянное указание докладывать о подобных подозрительных происшествиях, но Митрохин этого не сделал: он боялся, что расследование привлечёт внимание к тому, что его видели рядом с английскими посетителями.

Каждую ночь, возвращаясь в свою московскую квартиру, Митрохин прятал записи под матрас. По выходным он увозил их на семейную дачу в тридцати шести километрах от Москвы и перепечатывал столько, сколько успевал, хотя записей стало так много, что часть их пришлось оставить в рукописном виде. Первые партии машинописных копий и заметок он спрятал в молочный бидон, который закопал под полом.¹⁹ Дача стояла на приподнятом фундаменте, и под половицами оставалось как раз достаточно места, чтобы Митрохин мог туда вползти и выкопать яму короткой сапёрной лопаткой.

Во время этих работ ему часто приходилось ползать по собачьим и кошачьим испражнениям, а иногда, копая, он вспугивал крыс. Но он утешал себя мыслью, что грабители вряд ли последуют за ним туда. Когда молочный бидон наполнился, он стал прятать записи и машинописные тексты в жестяной бак для кипячения белья. В конце концов его архив заполнил также два жестяных сундука и два алюминиевых чемодана — все они были закопаны под дачей.²⁰

Самый тревожный момент наступил, когда однажды, приехав на дачу на выходные, Митрохин обнаружил в чердаке незнакомца. Он сразу вспомнил случай, произошедший несколькими годами

¹⁹ Работая над записями на даче, Митрохин прятал их на дне корзины для грязного белья, а перед отъездом закапывал в молочном бидоне. Он был не первым, кто спрятал тайный архив в молочном бидоне. В Варшавском гетто в 1942–1943 годах Эмануэль Рингельблюм закопал три бидона. После Второй мировой войны их нашли. В них находились бесценные подпольные газеты, отчёты о сетях сопротивления и свидетельства евреев, которым удалось бежать из лагерей смерти. Один из этих бидонов выставлен в Мемориальном музее Холокоста в Вашингтоне.

1. ²⁰ Архив Митрохина состоит из четырёх частей:

- i. серия k — рукописные материалы, хранившиеся в больших конвертах;
- ii. серия t — рукописные тетради;
- iii. тома — машинописные материалы, в основном распределённые по странам, иногда с комментариями Митрохина;
- iv. серия j-ag. — разные рукописные заметки.

Ссылки на архив Митрохина в примечаниях следуют этой классификации.

ранее, в августе 1971 года, когда друг писателя Александра Солженицына неожиданно приехал на его дачу во время отсутствия Солженицына и застал на чердаке двух сотрудников КГБ, которые, вероятно, искали «подрывные» рукописи. На место быстро прибыли другие сотрудники КГБ, и друга Солженицына жестоко избили. Андропов цинично распорядился сообщить Солженицыну, что «участие КГБ в этом происшествии является плодом его воображения».²¹

Этот случай был ещё свеж в памяти Митрохина, когда он приехал на дачу, потому что незадолго до этого он изучал дела с подробнейшими планами преследования Солженицына и «активных мероприятий», с помощью которых КГБ рассчитывал дискредитировать его в западной прессе. Но, к его огромному облегчению, незваный человек на чердаке оказался бездомным скитальцем.

Во время летних отпусков Митрохин работал над партиями своих записей на другой семейной даче, близ Пензы. Он перевозил их в старом вещмешке и одевался по-крестьянски, чтобы не привлекать внимания. Летом 1918 года Пенза, находящаяся в 630 километрах к юго-востоку от Москвы, стала местом одного из первых крестьянских восстаний против большевистской власти. Ленин возложил вину за восстание на кулаков — более зажиточных крестьян — и в ярости приказал местным партийным руководителям публично повесить не менее ста человек, чтобы «за сотни вёрст кругом народ видел и дрожал...»²²

Однако к 1970-м годам контрреволюционное прошлое Пензы давно было забыто, а кровожадные распоряжения Ленина о массовых казнях скрывались от общественности в секретном разделе ленинского архива.

Одна из самых поразительных особенностей лучшей литературы, созданной при советском режиме, состоит в том, как многое в ней было написано тайно. «Уйти в подполье, — писал Солженицын, — поставить себе задачей не завоевать признание мира — Боже упаси! — а, напротив, уклониться от него: этот вариант писательской судьбы — сугубо наш, чисто русский, русский и советский!»²³

В межвоенные годы Михаил Булгаков двенадцать лет писал *Мастера и Маргариту*, один из величайших романов XX века, зная, что при его жизни он не может быть опубликован, и опасаясь, что, возможно, не выйдет никогда. Его вдова позднее вспоминала, как незадолго до смерти в 1940 году Булгаков «заставил меня встать с постели, а затем, опираясь на мою руку, прошёл босиком, в халате, по всем комнатам, чтобы убедиться, что рукопись *Мастера* всё ещё лежит» в своём тайнике.²⁴

Великое произведение Булгакова сохранилось, но было опубликовано лишь через четверть века после его смерти. Ещё в 1978 году в докладной записке КГБ Андропову оно было названо «опасным

²¹ Письмо Солженицына с жалобой Андропову и лживый доклад Андропова по этому поводу в Совет министров опубликованы в книге Скаммелла, *The Solzhenitsyn Files*, с. 158–160. См. также: Солженицын, *Бодался телёнок с дубом*, с. 322–323, 497–498; Скаммелл, *Солженицын*, с. 739–743.

²² Пайпс, ред., *Неизвестный Ленин*, с. 48–50.

²³ Солженицын, *Бодался телёнок с дубом*, с. 1.

²⁴ Шенталинский, *Литературный архив КГБ*, с. 80–81. В 1926 году ОГПУ конфисковало дневник Булгакова, сочтённый подрывным. Через несколько лет Булгакову удалось вернуть дневник, но затем он сам его сжёг, опасаясь, что тот может стать основанием для ареста. К счастью, копия сохранилась в архивах КГБ.

оружием в руках [западных] идеологических центров, занимающихся идеологической диверсией против Советского Союза».²⁵

Когда Солженицын начал писать в 1950-е годы, он сказал себе, что «вступил в наследство каждого современного писателя, намеренного говорить правду»:

Я должен писать просто для того, чтобы это не было забыто, чтобы потомки когда-нибудь могли об этом узнать. Публикацию при моей жизни я должен был исключить из своих мыслей, из своих мечтаний.

Подобно тому как первые записи Митрохина были спрятаны в молочном бидоне под дачей, ранние сочинения Солженицына, написанные мельчайшим почерком, были втиснуты в пустую бутылку из-под шампанского и закопаны в саду.²⁶ После короткой оттепели первых лет «десталинизации», которая сделала возможной публикацию его рассказа о жизни в ГУЛАГе *Один день Ивана Денисовича*, Солженицын вёл изнурительную борьбу, пытаясь не дать КГБ захватить другие его рукописи, пока в 1974 году его не вынудили уехать в изгнание.²⁷

Митрохину не приходило в голову сравнивать себя с такими литературными исполинами, как Булгаков и Солженицын. Но, подобно им, он начал собирать свой архив, «чтобы правда не была забыта, чтобы потомки когда-нибудь могли узнать о ней».

Наибольшее эмоциональное воздействие на Митрохина оказали материалы КГБ о войне в Афганистане. 28 декабря 1979 года Бабрак Кармаль, новый афганский руководитель, выбранный Москвой для того, чтобы обратиться за «братской помощью» к Красной армии, уже вторгшейся в его страну, объявил по Кабульскому радио, что его предшественник Хафизулла Амин, «агент американского империализма», был предан «революционному трибуналу» и приговорён к смерти.

Из материалов о войне, которые хлынули в архив, Митрохин вскоре узнал, что в действительности Амин был убит вместе со своей семьёй и окружением при штурме кабульского президентского дворца спецподразделениями КГБ, переодетыми в афганскую форму.²⁸

Женщины-клерки, подшивавшие в архив отчёты КГБ о войне после того, как они проходили через Политбюро и другие звенья советской иерархии, имели дело с таким количеством материалов, что иногда приносили Митрохину на утверждение сразу по тридцать дел. Ужасы, зафиксированные в этих документах, тщательно скрывались от советского народа.

Советские средства массовой информации хранили заговор молчания о систематическом уничтожении тысяч афганских деревень, превращённых в жалкие скопления безлюдных глинобитных домов без крыш; о бегстве четырёх миллионов беженцев; о гибели миллиона афганцев в войне, которую Горбачёв позднее назвал «ошибкой».

²⁵ «Некоторые аспекты политической и морально-психологической обстановки среди работников Московского театра драмы и комедии на Таганке». Доклад, представленный Андропову в июле 1978 года, к-25, приложение.

²⁶ Солженицын, *Бодался телёнок с дубом*, с. 2–4.

²⁷ См. ниже, главу 19.

²⁸ Афганская война будет рассмотрена во втором томе.

Гробы с телами пятнадцати тысяч красноармейцев, погибших в этом конфликте, молча выгружали на советских аэродромах — без военной торжественности и скорбной музыки, которые обычно встречали павших героев, возвращавшихся на Родину. Похороны проводились тайно, а семьям просто сообщали, что их близкие погибли, «выполняя интернациональный долг». Некоторых хоронили на участках рядом с могилами родителей Митрохина на кладбище при Кузьминском монастыре. На их надгробиях не позволялось упоминать Афганистан.

Во время Афганской войны Митрохин впервые услышал открытую критику советской политики от более откровенных коллег в Ясенево. «Разве эта война не заставляет вас стыдиться того, что вы русский?» — однажды спросил его полковник Первого главного управления. «Вы хотите сказать — стыдиться того, что я советский!» — вырвалось у Митрохина.

Когда Митрохин вышел в отставку в 1984 году, он всё ещё был поглощён мыслями об Афганской войне. Первые полтора года пенсии он разбирал свои записи, извлекал материалы об Афганистане и составлял из них большой том, соединённый связным повествованием. Несмотря на призыв Горбачёва к гласности после того, как тот стал партийным руководителем в 1985 году, Митрохин не верил, что советская система когда-либо позволит рассказать правду об этой войне. Однако всё чаще он начинал думать о том, как переправить свой архив на Запад и опубликовать его там.

Один необычный способ пришёл ему в голову 28 мая 1987 года, когда одномоторная «Сессна», управляемая девятнадцатилетним западным немцем Матиасом Рустом, пересекла финскую границу и вошла в советское воздушное пространство. Она пролетела незамеченной четыреста пятьдесят миль и приземлилась на Красной площади. После часа растерянности, в течение которого кремлёвская охрана гадала, не является ли Руст актёром какого-нибудь фильма, его увезли в Лефортовскую тюрьму КГБ. Митрохин ненадолго задумался о том, чтобы воспользоваться микролётом из спортивного клуба КГБ и вместе со своим архивом полететь в противоположном направлении — в Финляндию, но быстро отказался от этой мысли.

Самым практичным из различных планов, которые Митрохин обдумывал до распада Советского Союза, было добиться места в местном партийном комитете, выдававшем разрешения на зарубежные поездки, получить такие разрешения для себя и своей семьи, а затем забронировать места в круизе из Ленинграда в Одессу по Чёрному морю. В одном из западноевропейских портов, куда заходил бы корабль, Митрохин должен был связаться с властями и договориться оставить свой архив в тайнике неподалёку от Москвы, чтобы его забрала западная разведывательная служба.

В конце концов он отказался и от этой идеи: было слишком трудно оторваться от советской туристической группы и от неусыпных руководителей поездки на достаточно долгое время, чтобы рассказать свою историю и договориться о передаче архива.

Когда в ноябре 1989 года рухнула Берлинская стена и советский блок начал распадаться, Митрохин сказал себе, что должен набраться терпения и дождаться своего часа. Тем временем он продолжал перепечатывать рукописные записи — в московской квартире и на двух семейных дачах, — составляя из них тома, посвящённые главным странам-целям Первого главного управления. На первом месте среди них стояли Соединённые Штаты, которые на жаргоне КГБ назывались «главным противником».

Как и большинство москвичей, он с облегчением встретил провал жёсткого путча в августе 1991 года, участники которого пытались отстранить Горбачёва и восстановить однопартийное советское государство. Для Митрохина не стало неожиданностью, что главным организатором неудавшегося переворота оказался Владимир Александрович Крючков — руководитель Первого главного управления с 1974 по 1988 год и председатель КГБ с 1988 года до самого путча.

Хотя Крючков лучше большинства прежних председателей КГБ умел обращаться с общественным мнением, он давно воплощал для Митрохина многое из того, что тот больше всего ненавидел в Первом главном управлении. Молодым дипломатом в советском посольстве в Будапеште Крючков привлёк внимание посла Юрия Андропова своей непримиримой враждебностью к «контрреволюционному» Венгерскому восстанию 1956 года. Когда Андропов стал председателем КГБ в 1967 году, Крючков возглавил его личный секретариат и стал верным сторонником его навязчивой кампании против «идеологической диверсии» во всех её проявлениях.

Из материалов, которые видел Митрохин, следовало, что, будучи главой Первого главного управления, Крючков тесно сотрудничал с Пятым управлением КГБ, занимавшимся «идеологической диверсией», в войне против диссидентов внутри страны и за рубежом.²⁹ Он сделал одного из высокопоставленных сотрудников Пятого управления, И. А. Маркелова, одним из заместителей начальника Первого главного управления, поручив ему координацию борьбы с идеологической диверсией.³⁰ Неудавшийся путч августа 1991 года стал для кэзэбистской карьеры Крючкова вполне позорным завершением. Вместо того чтобы укрепить Советский Союз и однопартийное государство, он лишь ускорил их распад.

11 октября 1991 года Государственный совет распадавшегося Советского Союза упразднил КГБ в прежнем виде. Бывшее Первое главное управление было преобразовано в СВР — Службу внешней разведки Российской Федерации, независимую от службы внутренней безопасности. Однако вместо того чтобы отречься от своего советского прошлого, СВР видела себя наследницей старого Первого главного управления.

Митрохин видел дело Первого главного управления на нового руководителя СВР, академика Евгения Максимовича Примакова, ранее директора Института мировой экономики и международных отношений и одного из главных советников Горбачёва по внешней политике. В этом деле Примаков определялся как доверенное лицо КГБ под кодовым именем МАКСИМ, которого часто отправляли с разведывательными поручениями в Соединённые Штаты и на Ближний Восток.³¹ Позднее Примаков стал министром иностранных дел Бориса Ельцина в 1996 году и премьер-министром в 1998 году.

²⁹ Характерный пример — план под номером 150/S-9195 по внедрению агентов в русские эмигрантские круги с целью наблюдения за диссидентами за рубежом и их дестабилизации. План был подписан Крючковым и Бобковым, руководителем Пятого управления, представлен Андропову 19 августа 1975 года и одобрен им через несколько дней. См. том 6, глава 8, часть 6. Сейчас Крючков маловероятно утверждает, что он «не имел никакого отношения к борьбе с инакомыслием»; Ремник, *Resurrection*, с. 322.

³⁰ Том 10, глава 3, параграф 23.

³¹ Том 6, приложение 2, части 3–4; k-2,323; k-5,169.

В последние месяцы 1991 года распад Советского Союза и относительная слабость пограничного контроля на новых границах Российской Федерации наконец открыли Митрохину и его архиву путь на Запад. В марте 1992 года он сел в Москве на ночной поезд, направлявшийся в столицу одной из недавно ставших независимыми прибалтийских республик.³² С собой он взял чемодан на колёсиках: сверху в нём лежали хлеб, колбаса и питьё для дороги, ниже — одежда, а на самом дне — образцы его записей.

На следующий день он без предварительного уведомления явился в британское посольство в прибалтийской столице и попросил поговорить с «кем-нибудь из руководства». До этого у Митрохина сложилось представление о британцах как о людях довольно официальных и «немного загадочных». Но молодая женщина-дипломат, принявшая его в посольстве, оказалась ему «молодой, привлекательной и отзывчивой», к тому же прекрасно говорившей по-русски.

Митрохин сообщил ей, что привёз важные материалы из дел КГБ. Пока он рылся на дне сумки, доставая свои записи из-под колбасы и одежды, дипломат распорядилась подать чай. Пока Митрохин пил свою первую чашку английского чая, она прочла часть его записей, а затем начала расспрашивать его о них. Митрохин сказал, что это лишь часть большого личного архива, включающего материалы об операциях КГБ в Британии. Он согласился вернуться в посольство через месяц, чтобы встретиться с представителями Секретной разведывательной службы.

Ободрённый тем, как легко он пересёк российскую границу в марте, во время следующей поездки в прибалтийскую столицу Митрохин привёз с собой две тысячи машинописных страниц, которые вынул из тайника под своей дачей возле Москвы. Утром 9 апреля он прибыл в британское посольство, предъявил сотрудникам Секретной разведывательной службы паспорт, партийный билет и пенсионное удостоверение КГБ, чтобы подтвердить свою личность, передал им объёмную машинопись и целый день отвечал на вопросы о себе, своём архиве и о том, как он его составлял.

Митрохин принял приглашение вернуться в посольство примерно через два месяца, чтобы обсудить организацию поездки в Британию. В начале мая московская резидентура Секретной разведывательной службы сообщила в Лондон, что Митрохин собирается выехать из Москвы ночным поездом 10 июня. 11 июня он прибыл в прибалтийскую столицу с рюкзаком, в котором находились новые материалы из его архива. Большая часть встречи с сотрудниками Секретной разведывательной службы была посвящена обсуждению планов его допроса и бесед в Британии предстоящей осенью.

7 сентября Митрохин в сопровождении сотрудников Секретной разведывательной службы впервые прибыл в Англию. После почти хаотической посткоммунистической Москвы Лондон произвёл на него необычайное впечатление — «образец того, какой должна быть столица». Тогда даже плотное движение, среди которого мелькали чёрные такси и красные двухэтажные автобусы, прежде виденные им только на фотографиях, казалось ему лишь свидетельством благополучия столицы.

Во время бесед на неприметных конспиративных квартирах в Лондоне и за городом Митрохин принял окончательное решение покинуть Россию и перебраться в Британию. Он согласовал с

³² Поскольку Митрохин не хочет раскрывать нынешним российским спецслужбам некоторые подробности своего выезда из Советского Союза, он не называет прибалтийскую республику, где связался с SIS, британской разведкой.

Секретной разведывательной службой порядок вывоза себя, своей семьи и своего архива. 13 октября его тайно вернули в Россию, чтобы он сделал последние приготовления к отъезду.

7 ноября 1992 года, в семьдесят пятую годовщину большевистской революции, Митрохин прибыл со своей семьёй в ту прибалтийскую столицу, где впервые вступил в контакт с Секретной разведывательной службой. Через несколько дней они прибыли в Лондон, чтобы начать новую жизнь в Британии.

Это был горько-сладкий момент. Впервые с тех пор, как восемнадцать лет назад он начал собирать свой тайный архив, Митрохин был в безопасности. Но одновременно он переживал чувство утраты — разлуку с родиной, которую, как он понимал, скорее всего никогда больше не увидит. Со временем эта боль прошла, хотя привязанность к России осталась.

Теперь Митрохин — британский гражданин. Пользуясь пенсионной железнодорожной карточкой, он объездил Британию вдоль и поперёк и увидел её больше, чем многие родившиеся здесь. С 1992 года он по нескольку дней в неделю работал над своим архивом: перепечатывал оставшиеся рукописные записи и отвечал на вопросы разведывательных служб с пяти континентов. В конце 1995 года он впервые встретился с Кристофером Эндрю, чтобы обсудить подготовку этой книги.

Хотя *Меч и щит* не мог быть написан в России, Митрохин по-прежнему был убеждён — так же, как и в 1972 году, — что тайная история КГБ является важнейшей частью советского прошлого, о которой русский народ имеет право знать. Он также считал, что всемирные зарубежные операции КГБ составляют существенную, хотя часто и недооценённую часть истории международных отношений XX века.

В британские средства массовой информации не просочилось ни слова ни о Митрохине, ни о его архиве. Однако, поскольку материалы архива передавались многим другим разведывательным и контрразведывательным службам, частичные утечки за рубежом были, разумеется, неизбежны. Первое, несколько искажённое упоминание об архиве Митрохина появилось в Соединённых Штатах через девять месяцев после его бегства.

В августе 1993 года известный вашингтонский журналист-расследователь Рональд Кесслер опубликовал бестселлер об ФБР, частично основанный на источниках внутри Бюро. Среди его разоблачений было краткое упоминание о сенсационном «расследовании ФБР по информации, полученной от бывшего сотрудника КГБ, имевшего доступ к делам КГБ»:

Согласно его рассказу, в последние годы у КГБ было много сотен американцев, а возможно, и более тысячи человек, шпионивших в его пользу. Информация была настолько конкретной, что ФБР быстро смогло установить надёжность источника... К лету 1993 года ФБР мобилизовало агентов в большинстве крупных городов для разработки этих дел. В Куантико [Национальной академии ФБР] было созвано совершенно секретное совещание для выработки стратегии.³³

Кесслер не назвал никого из «многих сотен американцев», указанных перебежчиком. Неназванный «представитель разведки США», опрошенный *Washington Post*, «подтвердил, что ФБР получило

³³ Кесслер, *The FBI*, с. 433. Несмотря на ограничения этой версии, история подтверждает заслуженную репутацию Кесслера как автора громких разоблачений.

конкретную информацию, которая привела к “значительному” продолжающемуся расследованию прошлой деятельности КГБ в Соединённых Штатах», но отказался уточнять, «сколько человек замешано». ³⁴ Журнал *Time* сообщил, что «источники, знакомые с делом» перебежчика из КГБ, определили его как бывшего сотрудника Первого главного управления, но назвали цифры Кесслера о числе «недавних» советских шпионов в Соединённых Штатах «сильно преувеличенными». ³⁵

Записи Митрохина действительно содержат имена «многих сотен» сотрудников, агентов и контактов КГБ в Соединённых Штатах, действовавших в разные периоды начиная с 1920-х годов. Однако Кесслер ошибочно отнёс это число к «последним годам», а не ко всей истории советского шпионажа в США. Хотя его цифры были публично оспорены, предположение, будто перебежчик из КГБ отправился в Соединённые Штаты, а не в Британию, осталось без возражений. ³⁶ Когда новых сведений о неназванном перебежчике не появилось, интерес прессы к этой истории быстро угас.

Следующая утечка из архива Митрохина произошла только более чем через три года. В октябре 1996 года французская пресса сообщила, что Шарль Эрню, министр обороны Франции с 1981 по 1985 год, с 1953 года и по меньшей мере до 1963 года работал на разведывательные службы советского блока, а президент Франсуа Миттеран, когда ему об этом сообщила французская служба безопасности DST, замял скандал. ³⁷

Газета *Le Monde* писала, что с 1993 года британская разведка передала DST «список примерно из трёхсот имён дипломатов и сотрудников набережной Орсе, якобы работавших на разведку советского блока». ³⁸ В действительности французские дипломаты и чиновники Министерства иностранных дел составляли лишь меньшинство имён из записей Митрохина, переданных Секретной разведывательной службой в DST. Шарля Эрню среди них не было. ³⁹ Ни одно из сообщений прессы по обе стороны Ла-Манша не связало списки советских агентов во Франции, переданные Секретной разведывательной службой, с более ранним рассказом Кесслера о перебежчике, имевшем широкий доступ к материалам КГБ.

В декабре 1996 года немецкий еженедельник *Focus* сообщил, что, по сведениям «надёжных источников», Секретная разведывательная служба передала также VfV — немецкой службе безопасности — имена нескольких сотен немецких политиков, предпринимателей, юристов и

³⁴ Майкл Искукофф, «FBI Probing Soviet Spy Effort, Book Says», *Washington Post*, 18 августа 1993 г.

³⁵ «Fun and Games with the KGB», *Time*, 30 августа 1993 г.

³⁶ Британская пресса также решила, что перебежчик из КГБ уехал в США. См., например: «Top US Officials “Spied For KGB”», *The Times*, 19 августа 1993 г.; «KGB Recruited “Hundreds” of American Spies», *Independent*, 19 августа 1993 г.

³⁷ Первым разоблачением предполагаемой роли Эрню как агента советского блока была статья Жерома Дюпюи и Жан-Мари Понто «Charles Hernu était un agent de l’Est», *L’Express*, 31 октября 1996 г.

³⁸ «Le contre-espionnage français est convaincu que Charles Hernu a été un agent de l’Est», *Le Monde*, 31 октября 1996 г. Британские версии истории Эрню см., среди прочего, в материалах *Daily Telegraph*, *Guardian*, *Independent* и *The Times* от 31 октября 1996 г., а также *Sunday Times* и *Sunday Telegraph* от 3 ноября 1996 г.

³⁹ Поскольку записи Митрохина, хотя и очень обширные, не являются полными, отсутствие в них явной ссылки на Эрню не доказывает его невинности. Тем более что его первые контакты, как утверждалось, были с болгарской и румынской разведками. Семья Эрню настаивает на его невинности.

полицейских, имевших связи с КГБ. На этот раз источник Секретной разведывательной службы был определён как русский перебежчик, имевший обширный доступ к архивам КГБ.

В последующей статье *Focus* сообщал:

Федеральная прокуратура изучает многочисленные подробные новые данные о ранее не раскрытой агентурной сети бывшей советской тайной службы КГБ в Германии. Следователи в Карлсруэ сосредоточены прежде всего на московских источниках, которые были приняты на работу преемниками КГБ и, вероятно, вновь активизированы после окончания холодной войны.

Основой для расследования служит обширная информация об агентах, которую русский перебежчик тайно вывез в Лондон из московской тайной службы. После тщательного анализа британская разведка в начале 1996 года передала все сведения о связях КГБ в Германии в VfV в Кёльне.⁴⁰

В июле 1997 года произошла ещё одна утечка из архива Митрохина — на этот раз в Австрии. В прессе были приведены выдержки из документа КГБ с указаниями, как найти тайный склад оружия с минами, взрывчаткой и детонаторами, под кодовым названием ГРОТ. Он был спрятан в тайнике неподалёку от Зальцбурга в 1963 году и предназначался для использования в диверсионных операциях:

Покинуть город Зальцбург по Шальмозер-Хауптштрассе, ведущей к шоссе № 153. На расстоянии 8 км от городской черты, в направлении Бад-Ишль — Грац, находится большой каменный мост через узкую долину. Не доезжая до этого моста, свернуть с федерального шоссе направо на местную дорогу, идущую по долине в направлении Эбенау; затем проехать 200 метров до конца металлического парапета, стоящего с левой стороны дороги. Достигнув конца парапета, сразу повернуть налево и следовать по деревенской дороге, ведущей в противоположном направлении. Тайник находится примерно в 50 метрах — 60 шагах — от места поворота с главной дороги на деревенскую дорогу...⁴¹

Хотя австрийская пресса этого не упоминала, документ происходил из архива Митрохина. Из него также следовало, что в 1964 году дорожные работы перекрыли вход к тайнику, подняли уровень земли и изменили планировку окружающей местности. КГБ решил не пытаться извлечь и перенести склад ГРОТ. Попытки австрийских властей найти этот тайник в 1997 году также не увенчались успехом.⁴²

⁴⁰ *Focus*, декабрь 1996 г. и март 1997 г. Именно публикация *Focus* в декабре 1996 года вызвала резкое осуждение со стороны СВР, процитированное в начале этой главы.

⁴¹ Андреас Вебер, «Die „Grotg“ geschluckt: Die Lagepläne zu den KGB-Waffen- und Sprengstoffdepots in Österreich sind überaus präzise», *Profil*, 26 мая 1997 г.

⁴² t-7,65.

Записи Митрохина показывают, что подобные тайные склады КГБ — с оружием и радиосредствами, некоторые из них заминированные, — разбросаны по значительной части Европы и Северной Америки.⁴³

Утечка в прессе, которая ближе всего подошла к раскрытию существования архива Митрохина, появилась в июне 1998 года в немецком еженедельнике *Focus*. Журнал сообщил, что некий полковник архивной службы Первого главного управления КГБ, имевший доступ «ко всем делам московских агентов», тайно вынес из штаб-квартиры КГБ рукописные копии этих материалов и спрятал их на своей даче под Москвой. В 1992 году он бежал в Великобританию, и, по сведениям *Focus*, сотрудники SIS доставили эти «взрывные» записи, спрятанные на даче, в Лондон.⁴⁴ Четыре года спустя, в ходе операции под кодовым названием WEEKEND, SIS якобы передала Федеральной разведывательной службе Германии сведения о немецких материалах из архива. По данным *Focus*, «перебежчик предоставил BND сотни зацепок, касающихся московской шпионской сети в Федеративной Республике Германии». Один «высокопоставленный сотрудник BND», как утверждалось, заметил: «Мы были весьма потрясены тем, как много [перебежчик] знал. У Москвы, очевидно, имеются горы компромата». Сообщалось, что BND получила новые сведения по пятидесяти делам о шпионаже и начала двенадцать новых расследований.⁴⁵

Однако статья в *Focus* вызвала широкое недоверие. Отчасти потому, что сама история о сверхсекретном архиве КГБ, вывезенном с русской дачи, казалась маловероятной. Отчасти потому, что единственным подробным примером содержащейся там информации было сенсационное утверждение, будто бывший канцлер Вилли Брандт, «икона немецких социал-демократов», во время Второй мировой войны был советским шпионом. Историю о Брандте сразу же назвал «совершенно абсурдной» Юрий Кобаладзе, руководитель пресс-бюро СВР. Когда его спросили, почему в данном случае СВР отступает от своей обычной практики не комментировать утверждения о том, что тот или иной человек был русским шпионом, Кобаладзе ответил:

Конечно, было бы весьма лестно иметь такого высокопоставленного политика в списке наших заслуг, но ради сохранения исторической истины мы сочли необходимым отвергнуть эту выдумку, которая может быть использована в политических целях.

Кобаладзе также назвал мифом рассказ о тайном архиве на даче полковника КГБ. По его словам, источником истории о Брандте мог быть только бывший майор КГБ из резидентуры в Осло Михаил Бутков, бежавший в Великобританию в 1991 году.⁴⁶

⁴³ См. ниже, главу 22.

⁴⁴ *Focus*, 15 июня 1998 г. Среди других ошибок в статье *Focus* было утверждение, что перебежчик «работал в штаб-квартире КГБ до начала 1990-х годов».

⁴⁵ *Focus*, 15 июня 1998 г.; Роджер Бойс, «Defector Says Willy Brandt was KGB Agent», *The Times*, 16 июня 1998 г.

⁴⁶ Интервью ИТАР-ТАСС с Юрием Кобаладзе, 19 июня 1998 г. Мемуары Буткова, пока доступные только на норвежском языке, содержат много интересного, включая документы КГБ, о его службе в Первом главном управлении с 1984 по 1991 год, но не содержат упоминаний о Брандте. В 1998 году, живя в Британии, Бутков был приговорён к трём годам тюрьмы за участие в мошеннической схеме: компании в России и Украине убеждали платить по 1,5 фунта за зачисление сотрудников в фиктивную бизнес-школу в Калифорнии. См. «Conman from Suburbia is KGB Defector», *Sunday Times*, 26 апреля 1998 г.

Хотя Кобаладзе ошибался насчёт тайного архива, он был прав, отвергая обвинение в том, что Брандт был советским шпионом. Записи Митрохина показывают, что в архивах КГБ действительно есть дело на Брандта, проходившего под кодовым именем ПОЛЯРНИК. Из него видно, что во время Второй мировой войны, находясь в Стокгольме, он передавал информацию резидентуре НКВД. Но в том же деле ясно указано, что Брандт поддерживал контакты также с британскими и американскими разведчиками, а кроме того — с бывшим норвежским секретарём Льва Троцкого, которого НКВД считал величайшим предателем в советской истории.⁴⁷ Главным побуждением Брандта было передавать любую информацию всем трём участникам военного союза, которая могла бы ускорить поражение Адольфа Гитлера. В случае Советского Союза он верно рассчитал, что лучшим каналом связи с Москвой будет стокгольмская резидентура. Настоящий позор в деле ПОЛЯРНИК касается не Брандта, а самого КГБ. В 1962 году, почти наверняка с личного одобрения Хрущёва, КГБ начал операцию по шантажу Брандта. Ему угрожали использовать сведения о его военных контактах со стокгольмской резидентурой, чтобы «причинить неприятности», если он не согласится сотрудничать. Попытка шантажа провалилась.⁴⁸

Как и Федеральное ведомство по охране конституции ФРГ и австрийская контрразведка, многие другие службы безопасности и разведывательные ведомства по всему миру — от Скандинавии до Японии — уже несколько лет используют сведения из архива Митрохина. Обычно это происходит незаметно для прессы. Большинство этих сведений применялось в контрразведывательных целях: чтобы помочь раскрыть старые нераскрытые дела и нейтрализовать операции СВР, начатые ещё в эпоху КГБ. Речь чаще шла не о судебном преследовании. Однако несколько обвинительных приговоров всё же были вынесены именно на основании данных Митрохина.

Однажды самого Митрохина почти вызвали свидетелем в суд. Дело касалось Роберта Липки, армейского клерка, который в середине 1960-х годов был прикомандирован к Агентству национальной безопасности США — NSA, американской службе радиоэлектронной разведки. Митрохин указал на него как на агента КГБ.⁴⁹ В мае 1993 года агент ФБР Дмитрий Дружинский связался с Липкой, выдавая себя за «Сергея Никитина», офицера ГРУ, находящегося в Вашингтоне. Липка пожаловался, что ему до сих пор не выплатили деньги за шпионаж, которым он занимался более четверти века назад. В течение следующих месяцев «Никитин» передал ему в общей сложности 10 000 долларов. Липка, казалось, был уверен, что привлечь его к суду уже невозможно. «Срок давности, — сказал он “Никитину”, — истёк». «Никитин» поправил его: «По американскому праву срок давности по делам о шпионаже не истекает никогда». Липка ответил, что каково бы ни было юридическое положение, он «никогда ни в чём не признается». После долгого расследования ФБР Липка был арестован в феврале 1996 года в своём доме в Миллерсвилле, штат Пенсильвания, и обвинён в передаче секретных документов Советскому Союзу.⁵⁰

Поскольку Липка отрицал все предъявленные ему обвинения, Митрохин ожидал, что ему придётся давать показания на процессе в федеральном окружном суде Филадельфии в мае 1997 года. Но в зале

⁴⁷ к-26,88.

⁴⁸ См. ниже, главу 26.

⁴⁹ Том 6, глава 11, части 26, 28, 41.

⁵⁰ Скотт Шейн и Сэнди Баниски, «Lipka Was Wary of FBI's Spy Trap», *Baltimore Sun*, 25 февраля 1996 г.; Уильям К. Карли, «How the FBI Broke Spy Case that Baffled Agency for 30 Years», *Wall Street Journal*, 21 ноября 1996 г.

суда произошло то, что *Philadelphia Inquirer* назвала «неожиданным поворотом»: Липка «разрыдался и признался, что передавал секретную информацию агентам КГБ». Адвокат Липки, Рональд Ф. Кидд, убедил его принять предложение обвинения о сделке с правосудием. Это ограничивало наказание восемнадцатью годами тюрьмы с возможностью сокращения срока за хорошее поведение. Иначе, если бы он продолжал заявлять о своей невинности, ему грозила перспектива провести остаток жизни в тюрьме.

Хотя имя Митрохина в суде не прозвучало, именно добытые им сведения из дел КГБ, по-видимому, заставили Липку изменить позицию. «Мы видели, насколько весомыми были доказательства, — сказал его адвокат журналистам. — Но правительство тоже понимало, что не сможет провести полный процесс, не раскрыв таинственного свидетеля». Этим «таинственным свидетелем» был Митрохин. После признания Липки помощник федерального прокурора Барбара Дж. Кохан признала: «У нас был очень чувствительный свидетель, который, если бы ему пришлось давать показания, должен был бы делать это за ширмой и под вымышленным именем; теперь нам вообще не нужно его раскрывать».⁵¹

«Я чувствую себя как Рип ван Спай», — сказал Липка, когда в сентябре 1997 года ему вынесли приговор. Он обыгрывал имя героя «Рип ван Винкль» и слово «spy» — «шпион». «Я думал, что похоронил это много лет назад, и никогда не мечтал, что всё обернётся так». Помимо восемнадцати лет тюрьмы и штрафа в 10 000 долларов, Липку обязали вернуть ещё 10 000 долларов из средств ФБР, которые ему передал «Никитин».⁵²

Есть много других «спящих шпионов», чьи воспоминания о шпионаже времён холодной войны, вероятно, будут пробуждены архивом Митрохина. Некоторые узнают себя на последующих страницах. Около дюжины важных дел, которые всё ещё активно расследуются, в том числе несколько в ведущих странах НАТО, по юридическим причинам нельзя упоминать до их передачи в суд. Однако лишь небольшая часть советских агентов, чьи кодовые имена появляются в этой книге, вероятно, будет привлечена к уголовной ответственности. Но когда СВР начала самую крупную и сложную оценку ущерба в истории российской разведки, ей пришлось столкнуться с тревожной возможностью: некоторые из шпионов, выявленных Митрохиным, с тех пор могли быть перевербованы и превращены в двойных агентов.

После каждого из упомянутых выше раскрытий, связанных с архивом Митрохина, СВР, несомненно, проводила обычную оценку ущерба, пытаясь определить источник и серьёзность утечки. Её официальное заявление 1996 года, фактически подтверждённое ещё раз в июне 1998 года, отвергало как «полный абсурд» предположение о том, что перебежчик мог передать какой-либо западной разведке имена нескольких сотен советских агентов. Это показывает, что выводы таких проверок были крайне далеки от реальности. Лишь после объявления о выходе этой книги в 1999 году СВР, похоже, начала понимать масштабную утечку разведывательной информации, которая произошла.

Некоторые дела, отмеченные Митрохиным, ярко показывают, с какой яростью Центр, то есть штаб-квартира КГБ, традиционно реагировал на утечки сведений о своих прежних зарубежных

⁵¹ Джулия К. Мартинес, «Accused Spy Admits Guilt», *Philadelphia Inquirer*, 24 мая 1997 г.

⁵² Джозеф А. Слободзян, «18-Year Sentence for Ex-Soviet Spy», *Philadelphia Inquirer*, 25 сентября 1997 г.

операциях. Выход в 1974 году книги Джона Баррона *KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents*⁵³, основанной на информации советских перебежчиков и западных разведслужб, вызвал не менее 370 оценок ущерба и других докладов КГБ. Резидент в Вашингтоне Михаил Корнеевич Полоник, кодовое имя АРДОВ, получил указание собрать всю доступную информацию о Барроне, тогда старшем редакторе *Reader's Digest*, и предложить способы «скомпрометировать его».⁵⁴ Большинство «активных мероприятий», которые КГБ использовал, пытаясь дискредитировать Баррона, активно эксплуатировали его еврейское происхождение. Однако сфабрикованные утверждения о том, будто он был частью сионистского заговора, излюбленная тема советской дезинформации, похоже, почти не нашли отклика за пределами Ближнего Востока.⁵⁵

Более изобретательными были активные мероприятия против некоторых журналистов, писавших статьи на основе книги Баррона. Для компрометации австрийских журналистов, которых считали использовавшими материалы книги *KGB: The Secret Work of Soviet Secret Agents* для подрыва «миролюбивой» политики СССР, применялись подделанные варианты пустых «информационных карточек» из картотеки австрийской Staro — полиции безопасности, ранее добытых агентами КГБ. Сфабрикованные записи на этих карточках, подготовленные Службой А, специалистами Первого главного управления по активным мероприятиям, должны были показать, будто Staro считала соответствующих журналистов тесно связанными с ЦРУ. Затем фотокопии карточек распространялись среди австрийских СМИ. В делах, отмеченных Митрохиным, перечислены и другие контрмеры КГБ против книги Баррона в странах, расположенных так далеко друг от друга, как Турция, Кипр, Ливия, Ливан, Египет, Иран, Кувейт, Сомали, Уганда, Индия, Шри-Ланка и Афганистан.⁵⁶

Другим исследованием КГБ, которое особенно сильно вызвало гнев Центра, стала опубликованная в 1990 году история Кристофера Эндрю и Олега Гордиевского *KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev*. Книга опиралась на документы КГБ и другие сведения, полученные Гордиевским, когда он с 1974 по 1985 год работал британским агентом внутри КГБ.⁵⁷ Центр, как и следовало ожидать, ответил активными мероприятиями против самой книги и её авторов.⁵⁸ О продолжающейся враждебности к Гордиевскому говорит хотя бы то, что на момент написания этой книги в Москве он всё ещё находился под смертным приговором.

Однако в реакции КГБ, и особенно его председателя Крючкова, на публикацию истории Эндрю и Гордиевского появился один важный новый элемент. В совершенно секретном «приказе председателя» от сентября 1990 года, где подчёркивалось значение операций влияния и других активных мероприятий — «одной из важнейших функций внешней разведки КГБ», — Крючков

⁵³ Первое издание было опубликовано в Нью-Йорке издательством Reader's Digest Press.

⁵⁴ Том 6, глава 8, часть 54.

⁵⁵ Том 6, приложение 1, часть 28.

⁵⁶ Том 6, глава 8, часть 4.

⁵⁷ Некоторые документы КГБ, полученные Гордиевским и относящиеся к периоду с 1974 по 1985 год, позднее были опубликованы в книгах Эндрю и Гордиевского *Instructions from the Centre* и *More Instructions from the Centre*.

⁵⁸ Информация без указания источника. Поскольку Митрохин ушёл в отставку за шесть лет до выхода книги Эндрю и Гордиевского, он не имел доступа к материалам КГБ, касавшимся этой книги.

распорядился «шире использовать архивные материалы», чтобы распространять «положительный» образ КГБ и «его наиболее известных дел».⁵⁹

Первое обращение к западному автору с предложением материалов из архивов КГБ, призванных создать этот «положительный» образ, было сделано к переменчивому Джону Костелло, британскому независимому историку, который сочетал талант исследователя со склонностью к теориям заговора.⁶⁰ В 1991 году Костелло опубликовал книгу о загадочном перелёте в Великобританию заместителя фюрера Рудольфа Гесса, совершённом пятьдесят лет назад. В ней использовались как отобранные СВР документы КГБ, так и западные источники. Автор утверждал, хотя большинство специалистов по этому периоду считали это маловероятным, что ключом ко всей истории был заговор британской разведки.⁶¹

Два года спустя, совместно с консультантом СВР и бывшим сотрудником Первого главного управления Олегом Царёвым, Костелло издал несколько менее спорную биографию советского разведчика межвоенного периода Александра Орлова. На суперобложке она описывалась как «первая книга из архивов КГБ — секреты КГБ, которые британское правительство не хочет, чтобы вы прочитали». Книга начиналась с благодарностей опальному бывшему председателю КГБ Владимиру Крючкову и последнему руководителю Первого главного управления Леониду Владимировичу Шебаршину за начало проекта. Костелло добавил личную благодарность СВР «за постоянную поддержку этого проекта, который создал новый прецедент открытости и объективности в изучении истории разведки не только в России, но и во всём мире».⁶²

Сотрудничество Костелло и Царёва стало образцом для других совместных работ между российскими авторами, отобранными или одобренными СВР, и западными писателями. Среди них были как известные историки, так и один высокопоставленный бывший сотрудник ЦРУ. Проект сначала поддерживало издательство Crown Books в США, но позднее оно от него отказалось. Для каждого тома этой серии, охватывающей темы от межвоенного периода до ранней холодной войны, СВР предоставляла авторам исключительный доступ к копиям ранее совершенно секретных документов, которые сама отбирала из архивов КГБ. Все вышедшие к тому времени книги содержали интересный, а иногда и важный новый материал; некоторые отличались также высоким качеством исторического анализа. Их главный недостаток, в чём нельзя винить авторов, заключался в том, что выбор документов КГБ, на которых они основывались, делали не они, а СВР.⁶³

⁵⁹ Приказ председателя КГБ № 107/ОВ от 5 сентября 1990 года.

⁶⁰ Позднее Костелло рассказал Эндрю и Гордиевскому, что получил первую партию материалов КГБ вскоре после пресс-конференции, посвящённой выходу их книги. На этой конференции он шумно и энергично выступил против того, что авторы назвали Джона Кернкросса «пятым человеком» кембриджской группы, считая это заговором британской разведки. Позже он изменил мнение, когда увидел материалы из досье Кернкросса в КГБ, подтверждавшие эту идентификацию.

⁶¹ Костелло, *Ten Days to Destiny*.

⁶² Костелло и Царёв, *Deadly Illusions*, с. vi–vii. Преждевременную смерть Костелло в 1996 году сторонники теорий заговора объясняли то действиями британской разведки, то российской. Хотя Костелло был несколько наивен в своём отношении к СВР, нет никаких оснований считать, что он или другие западные авторы, участвовавшие в совместных исторических проектах, одобренных СВР, были российскими агентами.

⁶³ Совместные издания, вышедшие к тому времени, в порядке публикации: Костелло и Царёв, *Deadly Illusions*; Мерфи, Кондрашев и Бейли, *Battleground Berlin*; Фурсенко и Нафтали, *One Hell of a Gamble*;

Этот выбор иногда был крайне избирательным. Так, в 1990-е годы СВР предоставила российским и западным авторам четыре последовательные подборки из объёмного дела самого знаменитого британского агента КГБ — Кима Филби.⁶⁴ Однако, чтобы сохранить как героический образ Филби, так и репутацию российской внешней разведки, СВР тщательно не выпускала материалы о последних неделях Филби во главе резидентуры SIS в США. Это был пик его карьеры как советского шпиона, но именно тогда деньги и инструкции, предназначенные для Филби, были потеряны, а он поссорился со своим некомпетентным куратором, которого затем с позором отозвали в Москву. Записи Митрохина по тем частям дела Филби, которые СВР по-прежнему считала неподходящими для публикации, впервые раскрывают этот фарсовый эпизод.⁶⁵

СВР публично отрицала даже существование некоторых дел, которые считала неловкими для себя. Когда российский и американский авторы — один из них бывший заместитель начальника Первого главного управления — писали историю соперничества КГБ и ЦРУ в Берлине до строительства стены, частично на основе документов, отобранных СВР, они попросили показать им дело агента КГБ Александра Григорьевича Копацкого, он же Игорь Орлов. СВР ответила, что у неё нет сведений об агенте с таким именем. Единственная запись об «Игоре Орлове», по утверждению СВР, касалась его визита в советское посольство в Вашингтоне в 1965 году, когда он жаловался на преследование со стороны ФБР и спрашивал о возможности получить убежище в СССР.⁶⁶

Хотя в официальной версии истории российской разведки, созданной СВР, Копацкий по-прежнему остаётся как бы несуществующим лицом, на самом деле он был одним из самых высоко ценимых агентов КГБ. Его якобы несуществующее дело КГБ, отмеченное Митрохиным, показывает, что у него было не менее двадцати трёх кураторов.⁶⁷

Помимо начала беспрецедентной серии совместных исторических работ для публикации на Западе, СВР выпустила несколько менее сложных по уровню книг для российского рынка. В 1995 году, к семьдесят пятой годовщине основания советской внешней разведки, наследницей которой СВР себя считает, она опубликовала том о карьерах семидесяти пяти разведчиков. Все они, судя по изложению, были «без страха и упрёка», и эта книга мало отличалась от некритических житий времён КГБ.⁶⁸ В 1995 году СВР также начала публикацию многотомной официальной истории

Уэст и Царёв, *The Crown Jewels*; Вайнштейн и Васильев, *The Haunted Wood*. Подробные сведения о публикациях приведены в библиографии.

⁶⁴ Отрывки из дела Филби приведены в книгах: Костелло, *Ten Days to Destiny*; Костелло и Царёв, *Deadly Illusions*; Боровик, *The Philby Files*; Уэст и Царёв, *The Crown Jewels*.

⁶⁵ См. ниже, главу 9.

⁶⁶ Мерфи, Кондрашев и Бейли, *Battleground Berlin*, с. 248. Авторы справедливо называют заявление СВР о том, что у неё нет дела на Копацкого/Орлова, «очевидно лукавым». Подбор документов СВР для самой поздней из совместных исторических книг, посвящённой шпионажу в США в сталинскую эпоху, также показывает признаки архивной забывчивости в неудобных вопросах. Например, утверждается, что «имеющиеся материалы» не указывают судьбу Василия Миронова, старшего сотрудника нью-йоркской резидентуры, отозванного в Москву в 1944 году. На самом деле его судьба точно зафиксирована в архивах СВР. После возвращения Миронова сначала отправили в лагерь, а затем расстреляли за попытку передать в посольство США в Москве сведения о массовом убийстве польских офицеров органами НКВД.

⁶⁷ См. ниже, главу 9.

⁶⁸ Самолис, ред., *Ветераны внешней разведки России*. Редактор Татьяна Самолис является пресс-секретарём СВР. Один яркий пример благоговейного отношения этой книги к благочестивым мифам,

зарубежных операций КГБ, которая к 1997 году дошла до начала Великой Отечественной войны.⁶⁹ Хотя это богатый источник в основном надёжных фактических сведений, он тоже представляет избирательную и очищенную версию истории советской разведки. В нём также сохранены, пусть и в более мягкой форме, некоторые традиционные конспирологические теории КГБ.

Литературный редактор официальной истории Лоллий Замойский прежде был старшим аналитиком Первого главного управления и был хорошо известен в Центре и зарубежных резидентурах своей верой в глобальный масонско-сионистский заговор.⁷⁰ В 1989 году он опубликовал книгу с громким названием *За фасадом масонского храма*, где возлагал на масонов ответственность, среди прочего, за начало холодной войны.⁷¹

Главная логика, которой СВР руководствовалась при выборе тем и документов для историй прежних операций, состояла в том, чтобы представить советскую внешнюю разведку как преданную делу и высокопрофессиональную службу, выполнявшую примерно те же функции, что и её западные аналоги, но чаще всего побеждавшую их в этом противостоянии.⁷² Даже при Сталине внешняя

созданным КГБ, — сильно приукрашенный рассказ о часто неприглядной карьере Героя Советского Союза Станислава Алексеевича Ваупшасова.

⁶⁹ Примаков и др., *Очерки истории российской внешней разведки*. Три тома были опубликованы в 1995–1997 годах. Они частично основаны на ранее секретных статьях из внутреннего журнала КГБ *Сборник КГБ*, некоторые из которых были отмечены Митрохиным.

⁷⁰ Хотя бывший глава СВР Евгений Примаков, ставший в 1998 году премьер-министром России, получил почётный титул «главного редактора» *Очерков истории российской внешней разведки*, его роль едва ли была чем-то большим, чем номинальной. Гораздо более значительную роль, вероятно, сыграл «литературный редактор» Замойский. В 1980-е годы он регулярно излагал свою веру в мировой масонско-сионистский заговор во время инструктажей в зарубежных резидентурах. Олег Гордиевский слышал такую лекцию во время визита Замойского в лондонскую резидентуру в январе 1985 года. Тогда Замойский был заместителем начальника Управления разведывательной информации Первого главного управления. См. Эндрю и Гордиевский, *КГБ*, с. 42.

⁷¹ Замойский утверждал, что «масоны всегда контролировали высшие эшелоны власти в западных странах» и что масонство фактически управляет буржуазным обществом на расстоянии. По его словам, настоящий центр мирового масонского движения находится в самой «масонской» стране — США. Он даже называл Рональда Рейгана «выдающимся» масоном. Объяснение холодной войны у Замойского было крайне простым: атомная бомбардировка, ядерный шантаж, гонка вооружений, речь Черчилля о холодной войне, план Маршалла и создание НАТО — всё это он связывал с действиями масонов, включая Трумэна, Черчилля и Маршалла.

Важная причина того, что некоторые старые конспирологические представления КГБ сохранились в современной СВР, — преемственность кадров.

⁷² Третий и последний на тот момент том официальной истории СВР, который заканчивается 1941 годом, делает вывод, что советская внешняя разведка «честно и бескорыстно исполнила свой патриотический долг перед Родиной и народом». Примаков и др., *Очерки истории российской внешней разведки*, том 3, заключение.

разведка изображается скорее жертвой террора, чем его участником,⁷³ несмотря на то что во второй половине 1930-х годов охота на «врагов народа» за границей стала одной из её главных задач.⁷⁴

Точно так же СВР пытается отделить зарубежные операции Первого главного управления времён холодной войны от нарушения прав человека внутренними структурами КГБ. В действительности же борьба с «идеологической диверсией» как внутри страны, так и за рубежом тщательно координировалась. КГБ играл центральную роль в подавлении Венгерского восстания 1956 года, в разгроме Пражской весны 1968 года, во вторжении в Афганистан в 1979 году и в давлении на польский режим с целью уничтожить «Солидарность» в 1981 году. С преследованием диссидентов внутри Советского Союза были тесно связаны операции Первого главного управления PROGRESS против диссидентов в других странах советского блока, а также постоянное давление на тех, кто нашёл убежище на Западе.⁷⁵ К середине 1970-х годов война Первого главного управления против «идеологической диверсии» распространилась даже на операции против западных коммунистических лидеров, которых считали отклонившимися от жёсткой московской партийной линии.⁷⁶

По этим и многим другим операциям архив Митрохина содержит большое количество материалов из дел КГБ, которые СВР всё ещё стремится скрыть от публики. В отличие от документов, отобранных СВР для рассекречивания, ни один из которых не относится к периоду позднее начала 1960-х годов, архив Митрохина охватывает почти всю холодную войну. Большая его часть в Москве до сих пор имеет высокий гриф секретности.

Оригиналы некоторых наиболее важных документов, отмеченных или переписанных Митрохиным, возможно, уже не существуют. В 1989 году была уничтожена большая часть огромного многотомного дела на диссидента Андрея Сахарова, которого Андропов ранее называл «общественным врагом номер один». Вскоре после этого Крючков объявил, что все дела других диссидентов, обвинённых по печально известной статье 70 Уголовного кодекса — антисоветская агитация и пропаганда, — уничтожаются в шредерах.⁷⁷ В ряде случаев записи Митрохина о таких делах могут быть теперь единственным, что от них осталось.

Тем самым Василий Митрохин сделал возможным расширить тот «новый прецедент открытости и объективности в изучении истории разведки», который Джон Костелло в 1993 году приписывал Крючкову и его преемникам в СВР, далеко за пределы того, что кто-либо из них мог себе представить.

⁷³ Именно поэтому СВР выбрала первой темой для совместной книги между своим консультантом и западным историком биографию Александра Орлова — старшего сотрудника внешней разведки, который, хотя и был вынужден бежать на Запад от сталинского террора, якобы сохранил «верность ленинской революции» и много лет обманывал западные разведки благодаря своей высокой разведывательной подготовке. См. Костелло и Царёв, *Deadly Illusions*.

⁷⁴ См. ниже, главу 5.

⁷⁵ См. ниже, главы 15, 16, 19, 20, 29, 30.

⁷⁶ См. ниже, главу 18.

⁷⁷ Об уничтожении архивов КГБ см.: Найт, *Spies Without Cloaks*, с. 194.

ГЛАВА 2. ОТ ЛЕНИНСКОЙ ЧК К СТАЛИНСКОМУ ОГПУ

На протяжении большей части карьеры Митрохина в КГБ история внутренних операций этой организации была неловкой темой даже для её собственных историков. В конце 1930-х годов КГБ, тогда называвшийся НКВД, был главным инструментом сталинского Большого террора — крупнейшего преследования мирного времени в европейской истории. В офицерском клубе КГБ на Лубянке, в московской штаб-квартире ведомства, не было даже обычной галереи портретов бывших председателей: большинство из них больше подходило бы для комнаты ужасов, чем для зала славы. Трое были расстреляны после обвинения в чудовищных преступлениях — одни из этих преступлений были реальными, другие вымышленными: Генрих Ягода в 1938 году, Николай Ежов в 1940 году и Лаврентий Берия в 1953 году. Четвёртый, Иван Серов, застрелился в 1963 году. Историки КГБ в послесталинскую эпоху старались уйти от кровавой реальности сталинского прошлого и от образов своих бывших председателей-убийц, обращаясь к более раннему, в основном мифическому, ленинскому «золотому веку» революционной чистоты.

КГБ выводил своё происхождение от ЧК — первого советского органа безопасности и разведки, созданного 20 декабря 1917 года, через шесть недель после большевистской революции. На протяжении всей карьеры Митрохина сотрудники КГБ называли себя чекистами, а зарплату получали не первого, а двадцатого числа каждого месяца — в «День чекиста», в честь дня основания ЧК. КГБ также унаследовал символы ЧК — меч и щит: щит должен был защищать революцию, а меч — поражать её врагов. Перед Лубянкой, московской штаб-квартирой КГБ, стояла огромная статуя уроженца Польши Феликса Дзержинского, главы ЧК. В бесчисленных официальных житиях его представляли как бескорыстного, неподкупного «рыцаря революции», который сразил дракона контрреволюции, угрожавшего молодому советскому государству. До революции он более двадцати лет был профессиональным революционером, из них одиннадцать лет провёл в царских тюрьмах, на каторге или в ссылке. Учебные пособия КГБ цитировали его слова о чекисте как о человеке с «горячим сердцем, холодной головой и чистыми руками». Как и Ленин, он был неподкупным трудоголиком, готовым жертвовать и собой, и другими ради защиты революции.¹ В штаб-квартире Первого главного управления КГБ, занимавшегося внешней разведкой, в Ясенево главным объектом почитания был большой бюст Дзержинского на мраморном постаменте, всегда окружённый свежими цветами.

Пышные публичные почести, которые КГБ воздавал своему почти святому основателю, скрывали тот факт, что многие методы разведывательной работы Дзержинский унаследовал от гораздо меньшей по масштабу царской предшественницы ЧК — Охранки. Большевики хорошо знали опыт Охранки в использовании внедрённых агентов и провокаторов. В июле 1913 года Ленин обсуждал трудную проблему проникновения Охранки в большевистскую среду с двумя своими ближайшими соратниками, Львом Каменевым и Григорием Зиновьевым, а также с руководителем большевистских депутатов в Думе Романом Малиновским. Все они сходились во мнении, что рядом с большевистскими депутатами должен находиться неизвестный агент Охранки. На самом деле этот агент был гораздо ближе к ним, чем предполагал Ленин. Им был сам Роман Малиновский. Позднее,

¹ Эндру и Гордиевский, «КГБ», стр. 56–63.

когда документы Охранки раскрыли его личность, его расстреляли в Кремлёвском саду в первую годовщину большевистской революции.²

Успех ЧК во внедрении в ряды противников во многом объяснялся тем, что она копировала методы Малиновского и других царских агентов. Дмитрий Гаврилович Евсеев, автор двух ранних оперативных пособий ЧК — *Основные положения разведки* и *Краткие инструкции для ЧК о том, как вести разведку*, — основывал свои работы на тщательном изучении методов Охранки. Хотя ЧК была «органом строительства диктатуры пролетариата», Евсеев, как и Дзержинский, настаивал, что она не должна стесняться учиться на опыте «буржуазных» разведывательных служб.³

Первые задачи ЧК были почти полностью внутренними. Дзержинский называл её «органом революционной расправы с контрреволюционерами»⁴ — это определение всё чаще применялось ко всем противникам большевиков и «классовым врагам». Однако уже через несколько дней после создания ЧК сделала первые осторожные шаги и в области внешней разведки. Карьера первого агента, отправленного за границу, Алексея Фроловича Филиппова, плохо соответствовала героическому образу, который историки КГБ старались сохранять в описаниях ленинской эпохи. Филиппов родился в 1870 году, получил юридическое образование, а до революции сделал карьеру газетного издателя. В конце 1917 года Дзержинский завербовал его для разведывательных поездок в Финляндию под прикрытием журналиста и предпринимателя. Перед отъездом на первое задание в январе 1918 года Филиппов дал письменное обязательство «добровольно, без получения оплаты, передавать всю информацию, которую он услышит в промышленных, банковских и особенно в консервативных [националистических] кругах».⁵

4 января Ленин публично признал независимость Финляндии, ранее входившей в состав Российской империи, но сразу же начал попытки подорвать её изнутри. В конце месяца финские коммунисты при поддержке российского военного и морского гарнизона в Хельсинки устроили путч, захватив столицу и значительную часть южной Финляндии. Против коммунистов быстро выступил корпус финских националистов во главе с бывшим царским офицером генералом Карлом Маннергеймом.⁶ Главной задачей Филиппова от ЧК было докладывать о Маннергейме, о его контактах с немцами и о настроениях моряков, поддержавших путч. Однако в начале апреля 1918 года в Финляндию вмешались германские войска, и к концу месяца закончились и коммунистический путч, и короткая карьера Филиппова как первого советского иностранного агента.⁷

Во время Гражданской войны, начавшейся в мае 1918 года и продолжавшейся два с половиной года, большевистский режим боролся за выживание против сильных, но разобщённых армий белых. За всеми силами, выступавшими против них, большевистские лидеры видели огромный заговор, организованный западным капитализмом. «То, с чем мы сталкиваемся, — заявил Ленин в июле, — это систематическая, методичная и, очевидно, давно подготовленная военная и финансовая контрреволюционная кампания против Советской Республики, которую все представители англо-

² Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 52–53.

³ Том 6, гл. 3, часть 3, прим. 2; к-9,218

⁴ Легgett, «ЧК», стр. 17.

⁵ к-9,67

⁶ Пайпс, «Россия при большевистском режиме, 1919–1924», стр. 92–93.

⁷ к-9,67,204.

французского империализма готовили в течение месяцев».⁸ На самом деле, хотя у молодого советского режима было много врагов и внутри страны, и за её пределами, тщательно спланированного и хорошо скоординированного империалистического заговора с целью его свержения не существовало. Однако вера в существование такого заговора сильно повлияла на первые операции ЧК против её «империалистических» врагов.

Во время Гражданской войны ЧК утверждала, что раскрыла и разгромила несколько крупных заговоров западных правительств и их разведок, направленных на свержение большевистского режима. Первым таким заговором летом 1918 года был «заговор послов», известный также как «заговор Локкарта» — по имени его предполагаемого организатора, младшего британского дипломата Роберта Брюса Локкарта. В истории КГБ, опубликованной в 1979 году, говорилось: «Можно без преувеличения сказать, что сокрушительный удар, нанесённый чекистами заговорщикам, был равен победе в крупном военном сражении».⁹ Именно это ЧК заявляла в 1918 году, и именно в это большинство коллег Митрохина продолжали верить более чем полвека спустя. В действительности же «заговор послов» был организован не коалицией капиталистических правительств, а группой политически наивных западных дипломатов и авантюрных тайных агентов, которые в хаотические первые месяцы большевистского режима были во многом предоставлены сами себе и ввязались в нелепо неумелые попытки его свержения. Самым известным из этих тайных агентов был Сидней Рейли из британской Секретной разведывательной службы, тогда известной как МИ6. Его приключения колебались между дерзкой авантюрой и фарсом, а его всё более сильная склонность к фантазиям позднее привела к исключению из SIS. О своём прибытии в Москву 7 мая 1918 года Рейли заявил странным, но характерным для себя образом: он подошёл к воротам Кремля, объявил, что является посланником британского премьер-министра Ллойд Джорджа, который, вероятно, о нём даже не слышал, и безуспешно потребовал встречи с Лениным.

Самая изощрённая часть «заговора послов» была придумана не самими послами и не их тайными агентами, а ЧК — возможно, по предложению Ленина — как ловушка для западных заговорщиков. В августе 1918 года сотрудник ЧК Ян Буйкис, выдавая себя за антибольшевистского заговорщика по имени Шмидхен, сумел убедить Локкарта, Рейли и французского генерального консула, что полковник Эдуард Берзин, командир латышского полка в Кремле, якобы готов возглавить антибольшевистское восстание. На самом деле Берзин был агентом-provокатором ЧК. Для финансирования предполагаемого переворота Берзина Рейли передал ему 1 200 000 рублей, которые Берзин сразу же отдал ЧК.¹⁰ Планы Рейли по перевороту менялись. В какой-то момент он представлял, как ведёт отряд латышских стрелков на сцену Большого театра во время съезда Советов, захватывает Ленина, Троцкого и других большевистских лидеров и расстреливает их на месте.¹¹ Но его привлекал и другой вариант: не казнить Ленина и Троцкого, а снять с них брюки, провести их в нижнем белье по улицам Москвы и тем самым «выставить их на посмешище перед всем миром».¹²

⁸ Цвигун и др. (ред.), «В. И. Ленин и ВЧК», № 48.

⁹ Остряков, «Военные чекисты», глава 1.

¹⁰ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 69–75. О доказательствах причастности Ленина см.: Брук-Шеперд, «Железный лабиринт», стр. 103.

¹¹ Брук-Шеперд, «Железный лабиринт», стр. 107.

¹² Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 79.

Однако фантазии Рейли были прерваны событиями. 30 августа глава Петроградской ЧК Моисей Соломонович Урицкий был убит бывшим членом умеренной Трудовой народно-социалистической партии Леонидом Каннегисером.¹³ В тот же день, в другом, не связанном с этим нападением, Ленин был тяжело ранен эсеркой Фаней, или Дорой, Каплан. «Я стреляла в Ленина, потому что считаю его предателем [социализма]», — сказала Каплан на допросе в ЧК.¹⁴ После этих двух покушений Дзержинский решил завершить «заговор послов», который сама ЧК в значительной степени и организовала. 2 сентября было объявлено, что ЧК «ликвидировала... заговор, организованный англо-французскими дипломатами... с целью захвата Совета народных комиссаров и провозглашения военной диктатуры в Москве; это должно было быть сделано путём подкупа советских войск». Как и следовало ожидать, в заявлении не говорилось, что план подкупа советских войск и организации военного переворота был разработан самой ЧК, а дипломатов втянули в заговор агенты-провокаторы, использовавшие методы Охранки. 5 сентября Дзержинский и руководитель петроградской партийной организации Зиновьев выпустили ещё одно заявление, где объявили англо-французских заговорщиков «организаторами» покушения на Ленина и «настоящими убийцами» Урицкого. Однако Дзержинский не раскрыл план Рейли снять с Ленина и Троцкого брюки. ЧК охотно публиковала или придумывала сведения о западном участии в заговорах с целью убийства Ленина, но не решилась раскрыть заговор, целью которого было выставить его смешным.¹⁵

Покушение на Ленина, убийство Урицкого и объявление о «ликвидации» «заговора послов» быстро привели к провозглашению Красного террора. В условиях ожесточённой Гражданской войны против белых врагов ЧК начала запугивать противников режима. Сам Ленин всего за три недели до покушения на него писал большевикам в Пензу, а возможно и в другие места, призывая организовать публичные казни, чтобы народ «дрожал» «на сотни вёрст вокруг». Уже поправляясь после ранения, он распорядился: «Необходимо тайно — и срочно — подготовить террор».¹⁶ 15 октября преемник Урицкого в Петрограде Глеб Иванович Бокий с гордостью сообщил в Москву, что 800 предполагаемых контрреволюционеров были расстреляны, а ещё 6 229 заключены в тюрьму. Среди арестованных и, вероятно, казнённых в Петрограде был первый иностранный агент ЧК Алексей Филиппов. Его ликвидация, скорее всего, была связана не с провалом финских заданий, а с его «буржуазным» происхождением, которое в параноидальной атмосфере Красного террора делало его

¹³ Перед казнью Каннегисера дважды лично допрашивал Дзержинский. Хотя прежде Каннегисер был активным членом Трудовой народно-социалистической партии, он утверждал — возможно, чтобы защитить других сторонников партии, — что «из принципа» в тот момент не состоял ни в одной партии. Каннегисер говорил, что совершил убийство полностью самостоятельно, желая отомстить за тех, кого по приказу Урицкого расстреляли как «врагов советской власти». По словам его отца, среди расстрелянных был друг Каннегисера. Домашняя служанка Ильиния утверждала, что Каннегисер «был связан с какими-то подозрительными людьми, которые часто приходили к нему, а сам он по ночам исчезал из дома и возвращался только днем». Другой свидетель, Розенберг, допрошенный ЧК, утверждал, что Каннегисер рассказывал ему о своем плане свергнуть большевистский режим. Митрохин, изучив протоколы допросов ЧК, отметил, что противоречия в показаниях так и не были устранены. Том 10, глава 4.

¹⁴ Протокол допроса Каплан был опубликован в 1923 году; Пайпс, «Русская революция», стр. 807.

¹⁵ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 75–81.

¹⁶ Пайпс (ред.), «Неизвестный Ленин», стр. 48, 54.

«врагом народа».¹⁷ Через двадцать лет сам Бокий стал жертвой ещё более сильной паранойи сталинского террора.¹⁸

Берзин и Буйкис, агенты-провокаторы ЧК, помогавшие организовать «заговор послов», позднее сами стали жертвами собственного обмана. Карьера Берзина сначала развивалась успешно. За свою роль агента-провокатора он был награждён орденом Красного Знамени, вступил в ЧК, а позже стал начальником лагеря принудительного труда на колымских золотых приисках — одного из лагерей с самой высокой смертностью в сталинском ГУЛАГе. Однако в 1937 году он был арестован и расстрелян как враг народа.¹⁹ Точные обвинения против Берзина неизвестны, но, вероятно, среди них было и обвинение в том, что в 1918 году он якобы действительно сотрудничал с западными заговорщиками. В несколько параноидальной сталинской трактовке «заговора послов» его соратник Буйкис, он же «Шмидхен», изображался не как сотрудник ЧК, выполнявший приказ, а как скрытый контрреволюционер. Такая версия оставалась принятой даже в секретных историях КГБ в начале карьеры Митрохина. Буйкис пережил террор только потому, что скрывал свою личность. Лишь в середине 1960-х годов исследования в архивах КГБ восстановили настоящую личность «Шмидхена» и его реальную роль в событиях 1918 года.²⁰

На протяжении всей карьеры Митрохина историки КГБ продолжали объяснять все заговоры и нападения против молодого советского режима как «проявления единого заговора» его классовых врагов внутри страны и «империалистических держав» за рубежом.²¹ В действительности всё было иначе. Если бы действительно существовал «единый заговор», режим, скорее всего, проиграл бы Гражданскую войну. Если бы в 1919 году две или три дивизии западных войск высадились в Финском заливе, они, вероятно, смогли бы прорваться к Москве и свергнуть большевиков. Но после Первой мировой войны не удалось найти даже двух или трёх дивизий. Американские, британские, французские и японские войска, вмешавшиеся в борьбу против Красной армии, главным образом дискредитировали белое движение и тем самым фактически помогли большевикам. Их было слишком мало, чтобы повлиять на военный исход Гражданской войны, но вполне достаточно, чтобы большевики могли представить своих противников как орудие западного империализма. В любом случае большинство большевиков искренне верило, что во время Гражданской войны они столкнулись с решительным наступлением всей мощи западного капитализма. Это заблуждение продолжало влиять на советское отношение к Западу на протяжении всей сталинской эпохи и даже после неё.

Разведывательные операции ЧК как внутри страны, так и за рубежом сильно зависели не только от наследия Охранки, но и от дореволюционного опыта самих большевиков, которые долгое время действовали как нелегальная подпольная организация. Многие большевистские лидеры настолько привыкли жить под вымышленными именами до 1917 года, что сохранили свои псевдонимы и после

¹⁷ Хотя в изученных Митрохиным архивах КГБ не указана судьба Филиппова после его ареста Петроградской ЧК, о нем больше никто никогда не слышал. к-9,67,204.

¹⁸ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 237.

¹⁹ Леггетт, «ЧК», стр. 417, примечание 21. Конквест, «Большой террор», стр. 325–327.

²⁰ Том 7, глава 1, параграф 5. Позднее Буйкис написал два коротких воспоминания о своем раннем опыте работы в ЧК: см. Розвадовская и др. (ред.), «Рыцарь революции», и Лялин и др. (ред.), «Особое задание».

²¹ См., например: Остряков, «Военные чекисты», глава 1.

революции. Среди них были русский дворянин Владимир Ильич Ульянов,²² оставшийся Лениным, и грузин Иосиф Виссарионович Джугашвили, продолжавший называться Сталиным. И Ленин, и Сталин сохранили многие привычки мышления, выработанные в подполье. В особо секретных вопросах Ленин требовал не делать копий его распоряжений, а оригинал либо возвращать ему для уничтожения, либо уничтожать получателем. К счастью для историков, его указания выполнялись не всегда.²³

Сталин в 1920-е годы продолжал исправлять собственную дореволюционную биографию, меняя даже день и год своего рождения; правильная дата — 6 декабря 1878 года — была обнаружена только в 1996 году.²⁴ Во время одного визита в секретный отдел Главного архивного управления Москвы, Главархива, Митрохину показали дело Охранки на Джугашвили. Обложка и заголовок дела соответствовали обычному формату Охранки, но, заглянув внутрь, Митрохин обнаружил, что всё содержимое было полностью изъято. Вероятно, у Охранки имелись компрометирующие материалы на молодого Джугашвили, и при первой возможности Сталин распорядился очистить дело. Однако в типичной советской бюрократической манере обложка была сохранена, поскольку существование самого дела было навсегда зафиксировано в секретных реестрах. Митрохин подозревал, что человек, опустошивший дело, предположительно по приказу Сталина, позднее был уничтожен, чтобы сохранить тёмную тайну исчезнувшего содержимого.²⁵ Больше всего Сталин, возможно, хотел уничтожить доказательства того, что он был осведомителем Охранки. Хотя это далеко не окончательное доказательство, возможный след таких сведений всё же сохранился. Согласно сообщениям агента Охранки, найденным в Государственном архиве Российской Федерации, бакинские большевики до Первой мировой войны «предъявили Джугашвили-Сталину обвинение в том, что он является провокатором и агентом охранного отделения, а также в том, что он присвоил партийные средства».²⁶

Почти с самого начала Гражданской войны в 1918 году, следуя большевистской традиции работы под чужими именами, ЧК начала отправлять сотрудников и агентов под разными прикрытиями и псевдонимами в тыл врага для сбора разведанных. К июню 1919 года число таких «нелегалов» стало достаточно большим, чтобы создать отдел нелегальных операций, который позднее превратился в Управление «С» Первого главного управления КГБ.²⁷ В секретных историях КГБ отмечалось, что с этого времени «нелегальные» операции стали «неотъемлемой частью внешней разведки». 20 декабря 1920 года, в третью годовщину создания ЧК, был учреждён новый Иностраный отдел — ИНО, которому поручили руководить всеми операциями за пределами

²² Текст официального документа, подтверждавшего «права Ульянова на потомственное дворянство» и скрывавшегося в советское время, см.: Пайпс (ред.), «Неизвестный Ленин», стр. 19.

²³ Пайпс (ред.), «Неизвестный Ленин», стр. 34, 138–139.

²⁴ Радзинский, «Сталин», стр. 11–12.

²⁵ Том 1, приложение 3. Ср.: Радзинский, «Сталин», стр. 12–14.

²⁶ Радзинский, «Сталин», стр. 77–79. Возможно, настойчивое желание Сталина изменить в официальных документах не только год, но и день месяца своего рождения было связано со страхом, что в архивах Охранки могла сохраниться какая-нибудь незамеченная запись об агенте, известном только под псевдонимом, но имевшем такую же дату рождения.

²⁷ 11 июня 1919 года Центральный комитет Российской коммунистической партии заявил: «[Мы] приняли к сведению сообщение товарища Дзержинского о необходимости оставлять нелегальных политических работников в районах, занятых противником... Предлагается: а) создать в организационном бюро Отдел нелегальных операций...» Том 6, глава 5, часть 1, примечание 1.

советских границ. В первые годы Советской России, когда коммунистический режим оставался международным изгоем, у него было мало официальных представительств за рубежом, способных служить прикрытием для «легальных» разведывательных точек, или, на языке ЧК, «резидентур». Поэтому он в основном полагался на нелегалов. По мере открытия дипломатических и торговых миссий в иностранных столицах каждая из них получала «легальную резидентуру» во главе с «резидентом», личность которого официально сообщалась только послу или главе миссии. Нелегалы, иногда объединённые в «нелегальные резидентуры», действовали без дипломатического или официального прикрытия и напрямую подчинялись ИНО в Москве.²⁸

Во время Гражданской войны 1918–1920 годов сбор внешней разведывательной информации имел второстепенное значение по сравнению с ролью ЧК в обеспечении победы Красной армии над белыми. Как позднее КГБ, ЧК любила выражать свои успехи в цифрах. Осенью 1919 года, вероятно в переломный момент Гражданской войны, она с гордостью заявила, что за первые девятнадцать месяцев своего существования обнаружила и обезвредила «412 подпольных антисоветских организаций».²⁹ Самым действенным методом борьбы с оппозицией для ЧК был террор. Хотя её любовь к цифрам не распространялась на подсчёт числа собственных жертв, очевидно, что ЧК значительно превзошла Охранку и по масштабу, и по жестокости наступления на политическую оппозицию. В 1901 году 4 113 россиян находились во внутренней ссылке за политические преступления, из них только 180 — на каторге. Казни за политические преступления применялись лишь к тем, кто участвовал в убийствах или покушениях. Во время Гражданской войны, напротив, число казней, проведённых ЧК, вероятно, достигало 250 000 человек и, возможно, даже превышало число погибших в боях.³⁰

Во время Октябрьской революции Ленину и большевистскому руководству даже не приходило в голову, что именно они будут ответственны за возрождение Охранки в новой и гораздо более страшной форме. В книге *Государство и революция*, которую Ленин почти завершил летом 1917 года, он утверждал, что после революции не будет нужды в полиции, тем более в политической полиции. Хотя, по его словам, нужно будет организовать «подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наёмных рабов», такое подавление будет «сравнительно лёгким». «Диктатура пролетариата», которая должна была возглавить быстрое разрушение буржуазного порядка, требовала, как он считал, минимума правил, регулирования и бюрократии. Ленин никогда не предполагал, что возможна массовая оппозиция революции, совершённой от имени народа.³¹ Но, придя к власти, он использовал любые методы, необходимые для её удержания, всегда утверждая, что большевики защищают «власть народа», и отказываясь признать реальность: он сделал себя непогрешимым вождем первого в мире однопартийного государства.

²⁸ Том 6, глава 5, часть 1 и примечание 1; том 7, глава 1.

²⁹ к-27,305.

³⁰ Легgett, «ЧК», приложение С.

³¹ Почти нет сомнений в том, что «Государство и революция» выражала самые глубокие убеждения Ленина. Если бы это было не так, он едва ли решился бы опубликовать ее в феврале 1918 года, когда ЧК уже существовала и противникам Ленина было очень легко указывать на противоречие между его словами и делами. Публикация книги в столь трудный момент была актом веры в то, что трудности режима лишь временные и что он доживет до исполнения своей революционной мечты.

Символично, что мемориал, установленный рядом с Лубянкой в последние годы советской власти в память о «жертвах тоталитарных репрессий», состоит из большого гранитного камня, взятого не из сталинского ГУЛАГа, а из концентрационного лагеря, созданного Лениным на берегах Белого моря осенью 1918 года. Многие чекисты считали жестокость по отношению к классовым врагам революционной добродетелью. В одном отчёте ЧК из Моршанска говорилось:

Тот, кто борется за лучшее будущее, будет беспощаден к своим врагам. Тот, кто стремится защищать бедных людей, ожесточит своё сердце против жалости и станет жестоким.³²

Даже в то время, когда советский режим во время Гражданской войны боролся за выживание, многих его сторонников ужасал масштаб жестокости ЧК. Некоторые следователи ЧК, часть из которых были ещё подростками,³³ применяли пытки почти невероятной дикости. В Харькове с рук жертв сдирали кожу, получая «перчатки» из человеческой кожи; в Воронеже голых заключённых катали в бочках, утыканных гвоздями; в Полтаве священников сажали на кол; в Одессе пленных белых офицеров привязывали к доскам и медленно подавали в печи; в Киеве клетки с крысами привязывали к телам заключённых и нагревали, пока крысы не прогрызли путь в тела жертв.³⁴

Хотя Ленин не одобрял такого садизма, он был доволен тем, что «перегибы» оставались на исправление Дзержинскому. Отмахиваясь от жалоб на жестокость ЧК, он щедро хвалил её роль в победе в Гражданской войне. По его словам, ЧК оказалась «сокрушительным оружием против бесчисленных заговоров и бесчисленных покушений на советскую власть со стороны людей, которые бесконечно сильнее нас»:

Господа капиталисты России и заграницы! Мы знаем, что вы не можете любить это учреждение. Разумеется, не можете! [ЧК] смогла противостоять вашим интригам и вашим козням так, как никто другой не смог бы, когда вы душили нас, когда окружили нас интервентами, когда организовывали внутренние заговоры и не останавливались ни перед каким преступлением, чтобы сорвать нашу мирную работу.³⁵

Некоторые из самых секретных документов в архиве Дзержинского имеют пометку, что должно быть изготовлено только десять экземпляров: один для Ленина, остальные — для начальников отделов ЧК.³⁶ Интерес Ленина к делам ЧК доходил даже до оперативных деталей. Он давал Дзержинскому советы о том, как проводить обыски и вести наблюдение, и указывал, что аресты

³² Отчет ЧК города и уезда Моршанска в первом выпуске еженедельника ЧК от 22 сентября 1918 года. к-9,212.

³³ Митрохин отметил следующий отчет к-9,210 об инспекции, проведенной центральным аппаратом ЧК в Дмитрове в 1918 году: Куренков, 18 лет, исполняет обязанности председателя Дмитровской городской ЧК Московской губернии. Все его товарищи — молодые люди, но люди способные, проверенные в бою и работающие с энергией.

Однако работа ЧК велась примитивно. Обыски проводились без выборных понятых и без представителей домовых комитетов. Конфискованные продукты не передавались в продовольственный отдел, а описи не составлялись.

³⁴ Мельгунов, «Красный террор в России». Файджес, «Трагедия народа», стр. 646–649. Архивные материалы этого периода, отмеченные Митрохиным, в основном касающиеся внешней разведки, лишь косвенно упоминают зверства гражданской войны.

³⁵ Речь Ленина 23 декабря 1921 года; текст см.: Цвигун и др., «В. И. Ленин и ВЧК», стр. 534 и далее.

³⁶ Бровкин, «За линией фронта гражданской войны», стр. 424. Архив Дзержинского — фонд 76 во Всероссийском центре хранения и изучения документов новейшей истории в Москве.

лучше всего проводить ночью.³⁷ Ленин также с некоторой наивностью интересовался применением новых технологий для поиска контрреволюционеров. Он поручил Дзержинскому создать большой электромагнит, способный обнаруживать спрятанное оружие при обысках домов. Опыт был проведён и провалился, но Дзержинскому было непросто убедить Ленина, что «магниты мало полезны при обысках».³⁸

Гораздо важнее, чем иногда странный интерес Ленина к разведывательным методам и технике, была его убеждённость в центральной роли ЧК в защите большевистского однопартийного государства от империализма и контрреволюции. Степень страха Ленина и Дзержинского перед империалистической подрывной деятельностью хорошо показывает их глубокое подозрение к помощи, которую они были вынуждены принять в августе 1921 года от Американской администрации помощи — АРА, чтобы накормить миллионы голодающих советских граждан. Ленин был уверен, что АРА является прикрытием американской разведки, и приказал установить самое тщательное наблюдение за всеми её сотрудниками. Когда АРА начала работу, он был столь же убеждён, что она использует продовольствие как инструмент подрывной деятельности. Он жаловался заместителю Дзержинского Иосифу Станиславовичу Уншлихту, что иностранные агенты «занимаются массовым подкупом голодных и оборванных чекистов» — слово «чекистов» Ленин подчеркнул. «Опасность здесь чрезвычайно велика». Ленин настаивал на срочных мерах, чтобы «накормить и одеть чекистов» и тем самым уберечь их от империалистического соблазна.³⁹

Хотя у Соединённых Штатов тогда ещё не было разведывательной службы мирного времени, ЧК докладывала, что более 200 из 300 сотрудников АРА, которые всеми силами занимались борьбой с одним из самых страшных голодов в современной европейской истории, на самом деле были тайными разведчиками, способными стать «первоклассными инструкторами для контрреволюционного восстания». ЧК также утверждала, что АРА создаёт в Вене крупный запас продовольствия, чтобы «в случае переворота [она] могла немедленно поддержать белое правительство».⁴⁰ Ленина гораздо больше тревожили несуществующие разведывательные операции АРА, чем примерно пять миллионов русских и украинцев, умерших от голода. Без огромной программы помощи АРА, которая в 1922 году кормила до одиннадцати миллионов человек в день, голод был бы намного страшнее. Однако даже после ухода АРА советская разведка оставалась убеждённой, что это была прежде всего шпионская, а не гуманитарная организация. Через четверть века всех оставшихся в живых российских сотрудников АРА заставили подписать признания в том, что они были американскими шпионами.⁴¹

Приоритеты советской разведки при Ленине, а ещё больше при Сталине, продолжали определяться сильно преувеличенной верой в постоянный заговор западных правительств и их разведывательных служб. Чтобы понять советские разведывательные операции между двумя мировыми войнами, часто нужно войти в мир дыма и зеркал, где цель разведки была порождена не столько реальным контрреволюционным заговором, сколько большевистскими иллюзиями. Склонность советской власти к теориям заговора вытекала и из природы однопартийного государства, и из марксистско-

³⁷ Волкоганов, «Ленин», стр. 239.

³⁸ Цвигун и др. (ред.), «В. И. Ленин и ВЧК», № 198. Эндру и Гордиевский, «КГБ», стр. 69.

³⁹ Пайпс (ред.), «Неизвестный Ленин», стр. 127–129.

⁴⁰ Том 6, глава 1, часть 1, примечание 1.

⁴¹ Пайпс, «Россия при большевистском режиме», стр. 416–419.

ленинской идеологии. Все авторитарные режимы, поскольку считают оппозицию в принципе незаконной, склонны видеть в своих противниках участников подрывного заговора. Большевистская идеология дополнительно утверждала, что капиталистические режимы не могут не готовить свержение первого и единственного в мире рабоче-крестьянского государства. Если они явно не готовили вооружённое вторжение, значит, их разведки обязательно тайно замыслили подорвать Советскую Россию изнутри.

Первые два начальника ИНО вместе занимали этот пост всего около восемнадцати месяцев. Первым руководителем внешней разведки, оставившим заметный след, стал Михаил Абрамович Трилиссер, назначенный начальником ИНО в 1922 году — несомненно, с личного одобрения Ленина. Трилиссер был российским евреем, ставшим профессиональным революционером в 1901 году, когда ему было всего восемнадцать лет. Как и Дзержинский, значительную часть ранней жизни он провёл в ссылке или царских тюрьмах. До Первой мировой войны он специализировался на выявлении полицейских шпионов среди большевистских эмигрантов. Служа в ЧК в 1918 году, он, по рассказам, был схвачен «бандитами» и повешен на дереве, но красные успели вовремя снять его и вернуть к жизни. В отличие от всех своих преемников, Трилиссер иногда выезжал за границу, чтобы встречаться с агентами ИНО.⁴² По крайней мере до третьего инсульта Ленина в марте 1923 года тот продолжал активно, хотя иногда и недостаточно осведомлённо, интересоваться сообщениями ИНО. Например, получив в 1922 году несколько неточную информацию от одного из немногих ранних британских источников ЧК, журналиста Артура Рэнсома, позднее известного детского писателя, Ленин отметил, что она «очень важна и, вероятно, в основном верна».⁴³

Первые задачи зарубежных операций ИНО, одобренные Лениным, были следующими:

- выявление на территории каждого государства контрреволюционных групп, действующих против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики;
- тщательное изучение всех организаций, занимающихся шпионажем против нашей страны;
- выяснение политического курса каждого государства и его экономического положения;
- добывание документальных материалов по всем указанным направлениям.⁴⁴

«Контрреволюционные группы», которые больше всего беспокоили Ленина и ЧК после Гражданской войны, — это остатки разгромленных белых армий и украинские националисты. После того как в конце 1920 года последние белые части покинули российскую территорию, у них уже не было реального шанса снова серьёзно угрожать большевистской власти. Но Ленин видел дело иначе. «Разбитая армия, — говорил он, — многому учится». Он оценивал число антибольшевистских русских эмигрантов в полтора-два миллиона человек:

Мы можем наблюдать, как все они действуют вместе, независимо от своих прежних политических партий... Они умело используют любую возможность, чтобы тем или иным способом напасть на

⁴² Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 99–100; Самолис (ред.), «Ветераны внешней разведки России», стр. 142–143; Вест и Царев, «Королевские драгоценности», стр. 5.

⁴³ Цвигун и др. (ред.), «Ленин и ВЧК», № 390. Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 91–94.

⁴⁴ Вест и Царев, «Королевские драгоценности», стр. 5.

Советскую Россию и разбить её вдребезги... Эти контрреволюционные эмигранты очень хорошо информированы, прекрасно организованы и являются хорошими стратегами.⁴⁵

Поэтому в начале и середине 1920-х годов главной целью ИНО стали белогвардейские эмигранты, находившиеся в основном в Берлине, Париже и Варшаве и продолжавшие строить планы свержения большевистского режима — гораздо менее эффективно, чем предполагал Ленин.

Другой «контрреволюционной» угрозой, которая особенно беспокоила Ленина и большевистское руководство, были украинские националисты. Они сражались и против красных, и против белых, пытаясь добиться независимости Украины. Зимой 1920 года и весной 1921 года вся украинская деревня восстала против большевистской власти. Даже после жестокого «умиротворения» Украины Красной армией и ЧК партизанские группы, укрывшиеся в Польше и Румынии, продолжали совершать рейды через границу.⁴⁶ Весной 1922 года украинское ГПУ получило разведывательные сведения о том, что украинское правительство в изгнании Симона Петлюры создало «партизанский штаб» под руководством генерала Юрко Тютюнника, который отправлял тайных посланцев на Украину для создания националистического подполья.⁴⁷

ГПУ было приказано не только собирать сведения о белогвардейских эмигрантах и украинских националистах, но также внедряться в их среду и дестабилизировать их.⁴⁸ Против обоих противников стратегия была одинаковой: создать фиктивные антибольшевистские подпольные организации под контролем ГПУ, с помощью которых можно было заманить генерала Тютюнника и ведущих белых генералов обратно через границу.

Первым шагом к тому, чтобы заманить Тютюнника обратно на Украину, стала операция под кодовым названием «Дело 39». Её началом был захват Заярного, одного из офицеров Тютюнника для «особых поручений», пойманного при переходе границы в 1922 году. ГПУ успешно перевербовало Заярного и отправило его в штаб Тютюнника с ложными сообщениями о том, что на Украине якобы создан подпольный Высший военный совет — ВВР, который хочет сформировать оперативный штаб под руководством Тютюнника для войны против большевиков. Тютюнник был слишком осторожен, чтобы сразу вернуться, но отправил нескольких посланцев. Они участвовали в постановочных заседаниях ВВР, где сотрудники ГПУ, переодетые украинскими националистами, докладывали о быстром росте подпольного сопротивления большевистской власти и говорили о срочной необходимости руководства Тютюнника. Как и Заярный, один из посланцев, Пётр Стахов, близкий соратник Тютюнника, был завербован ГПУ и использован как двойной агент.

Попытки убедить самого Тютюнника вернуться на Украину наконец увенчались успехом 26 июня 1923 года.⁴⁹ Тютюнник вместе с телохранителем и помощниками прибыл в отдалённый хутор на

⁴⁵ Цвигун и др. (ред.), «В. И. Ленин и ВЧК», № 437.

⁴⁶ Бровкин, «За линией фронта гражданской войны», стр. 334–356. Легgett, «ЧК», стр. 336–338, 464–466.

⁴⁷ к-9, 87.

⁴⁸ Первым из пяти приоритетов внешней разведки, изложенных в инструкциях ИНО от 28 ноября 1922 года, было: «Выявление на территории каждого государства контрреволюционных групп, ведущих как активную, так и пассивную деятельность против интересов РСФСР, а также против международного революционного движения». Том 7, глава 1.

⁴⁹ По рукописной заметке Митрохина к-9, 87 трудно определить, указана ли там дата 16 или 26 июня. Поскольку Заварный перешел в Румынию 15 июня, чтобы обсудить с Тютюнником детали его возвращения, кажется крайне маловероятным, особенно с учетом прежних задержек, что это могло

румьинском берегу Днестра. Там Заярный сообщил ему, что ВВР и Пётр Стахов ждут на другом берегу. В 11 часов вечера световой сигнал с украинского берега показал, что Тютюннику и его спутникам можно безопасно переправляться через реку. Всё ещё проявляя осторожность, Тютюнник отправил своего телохранителя проверить, нет ли ловушки. Стахов вернулся вместе с телохранителем, чтобы успокоить его. Согласно отчёту ОГПУ, Тютюнник сказал ему: «Пётр, я знаю тебя, а ты знаешь меня. Мы друг друга обманывать не будем. ВВР — это выдумка, не так ли?» «Это невозможно, — ответил Стахов. — Я знаю их всех, особенно тех, кто сегодня со мной. Ты знаешь, что можешь положиться на меня...» Тютюнник сел в лодку вместе со Стаховым и переправился через Днестр. Когда он оказался в руках ОГПУ, письма, написанные самим Тютюнником или от его имени, были отправлены видным украинским националистом за границей. В них говорилось, что их борьба безнадежна и что он окончательно перешёл на сторону советской власти. Через шесть лет он был казнён.⁵⁰

Операции против белогвардейцев напоминали действия против украинских националистов. В 1922 году берлинская резидентура завербовала бывшего царского генерала Зеленина как агента для проникновения в эмигрантскую среду. В более позднем отчете ОГПУ утверждалось — возможно, с некоторым преувеличением, — что Зеленин вызвал «огромный раскол в рядах белых» и добился того, что большое число офицеров отошло от барона Петра Врангеля, последнего из белых генералов, потерпевших поражение в гражданской войне. Среди других агентов ОГПУ, которых хвалили за работу по подрыву белогвардейских кругов, были генерал Зайцев, бывший начальник штаба казачьего атамана А. И. Дутова, и бывший царский генерал Яхонтов, эмигрировавший в Соединенные Штаты.⁵¹

Однако наибольшими успехами ОГПУ против белогвардейцев стали две сложные операции по дезинформации под кодовыми названиями СИНДИКАТ и ТРЕСТ. Обе они с большой изобретательностью использовали агентов-provokаторов.⁵² СИНДИКАТ был направлен против человека, которого считали самым опасным из всех белогвардейцев, — Бориса Савинкова. Он был бывшим террористом из партии социалистов-революционеров и занимал пост товарища военного министра во Временном правительстве, свергнутом в ходе большевистской революции. Уинстон Черчилль, среди прочих, был очарован его антибольшевистским пылом. «В конце концов, — писал позднее Черчилль, — при всех пятнах и потускнениях, какие на нем были, мало кто сделал больше, отдал больше, осмелился на большее и больше страдал ради русского народа». Во время советско-польской войны 1920 года Савинков сыграл главную роль в наборе Русской народной армии, которая

произойти уже 16 июня. Поскольку операцию ДЕЛО 39 вели внутренние отделы ОГПУ, дело хранилось в специальных архивных фондах Второго главного управления, к которым Митрохин не имел доступа. Однако он смог ознакомиться с секретной историей операции, которая основывалась на материалах дела ДЕЛО 39 и цитировала их.

⁵⁰ к-9,87. В 1930-е годы нелегальная резидентура в Германии, возглавляемая И. М. Каминским, кодовые имена МОРЕ2 и МОНД, специализировалась на операциях против украинских эмигрантов. Том 7, глава 9, параграфы 1–2; том 6, глава 5, часть 1. Управление особых задач также совершило убийства нескольких ведущих украинских националистов. Судоплатовы, «Особые задачи», главы 1–2.

⁵¹ Том 6, глава 8, часть 6.

⁵² Том 6, глава 5, часть 1, примечание 1. Хотя Митрохин прочитал ряд секретных исследований об операциях ТРЕСТ и СИНДИКАТ, у него не было доступа к самим делам по этим операциям. Поскольку операции велись внутренними отделами ОГПУ, их дела, как и дело по ДЕЛУ 39, хранились в специальных архивных фондах Второго главного управления.

сражалась под польским командованием против Красной армии. В начале 1921 года он основал в Варшаве новую организацию, целью которой было свержение большевистского режима, — Народный союз защиты Родины и свободы, НСЗРиС. Эта организация имела агентурную сеть внутри Советской России, собирала сведения о большевиках и готовила восстания против режима.

Первый этап операции против Савинкова, СИНДИКАТ-1, успешно нейтрализовал агентурную сеть НСЗРиС при помощи внедренного в его организацию агента ЧК. В августе 1921 года сорок четыре ведущих члена НСЗРиС были выставлены на показательный процесс в Москве.⁵³ СИНДИКАТ-2 был направлен на то, чтобы заманить самого Савинкова обратно в Россию, сделать его главным участником нового показательного процесса и окончательно деморализовать его эмигрантских сторонников. В секретных историях КГБ главная заслуга в этой операции приписывается начальнику контрразведывательного отдела ОГПУ Артуру Христиановичу Артузову, впоследствии начальнику ИНО, русскому сыну швейцарско-итальянского сыродела-эмигранта. Ему помогали Андрей Павлович Федоров и Григорий Сергеевич Сыроежкин.⁵⁴

Хотя в операции СИНДИКАТ-2 умело использовались агенты-провокаторы, документы КГБ не признают, насколько сильно им помогала все более заметная склонность самого Савинкова к фантазированию. Во время поездки в Лондон в конце 1921 года он неправдоподобно утверждал, что глава русской торговой делегации предложил ему войти в состав советского правительства. Савинков также заявлял, что Ллойд Джордж и его семья встретили его в Чекерсе пением «Боже, царя храни». На самом деле это был гимн на валлийском языке, который исполнял валлийский хор на пред Рождественском празднике.

В июле 1923 года Федоров, выдавая себя за члена антибольшевистского подполья, посетил Савинкова в Париже, где тот устроил свою штаб-квартиру после распада НСЗРиС. Федоров убедил его отправить своего помощника, полковника Сергея Павловского, обратно в Россию вместе с ним для тайных переговоров с несуществующим подпольем. Оказавшись в Москве, Павловский был перевербован ОГПУ и использован для того, чтобы заманить в Россию уже самого Савинкова для дальнейших переговоров. 15 августа Савинков вместе с несколькими своими сторонниками перешел русскую границу и сразу попал в ловушку ОГПУ. На допросе в ОГПУ его сопротивление быстро сломалось. На показательном процессе 27 августа Савинков сделал унижительное признание своих контрреволюционных грехов:

Я безоговорочно признаю советскую власть и никакую другую. Каждому русскому, который любит свою страну, я, прошедший весь путь этой кровавой, тяжелой борьбы против вас, я, опровергавший вас так, как никто другой, говорю: если вы русский, если вы любите свой народ, вы склонитесь перед рабоче-крестьянской властью и признаете ее без всяких оговорок.⁵⁵

Обман Савинкова продолжался даже после того, как его приговорили к пятнадцати годам тюрьмы. Он так и не понял, что его сокамерник В. И. Сперанский был сотрудником ОГПУ. Позднее Сперанского повесили за то, что он сумел завоевать доверие Савинкова и тайно допрашивал его в

⁵³ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 111–112. Костелло и Царев, «Смертельные иллюзии», стр. 33–34.

⁵⁴ Том 6, глава 8, часть 1. О предыдущей карьере Сыроежкина и Федорова см.: Самолис (ред.), «Ветераны внешней разведки России», стр. 138–140, 147–149.

⁵⁵ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 112–113.

течение восьми месяцев.⁵⁶ Савинков недолго пережил последний доклад Сперанского о нем. В архивах КГБ, по-видимому, нет современных тому времени документов о том, как именно он умер. Согласно нынешней неправдоподобной версии СВР, Савинков упал или выпрыгнул из окна верхнего этажа после приятной «попойки с группой чекистов» — несмотря на героическую попытку Григория Сыроежкина спасти его.⁵⁷ Более вероятно, что именно Сыроежкин столкнул его вниз.⁵⁸

Еще более успешной, чем СИНДИКАТ, стала операция ТРЕСТ. Так называлось фиктивное монархическое подполье — Монархическое объединение Центральной России, МОР, — которое Артузов впервые придумал в 1921 году и которое затем использовалось как основа шестилетней операции по обману.⁵⁹ К 1923 году сотрудник ОГПУ Александр Якушев, выступая в роли тайного члена МОР, который мог ездить за границу по службе как советский представитель внешней торговли, во время поездок в Париж завоевал доверие и великого князя Николая Николаевича, двоюродного брата покойного царя Николая II, и генерала Александра Кутепова из Русского общевоинского союза, РОВС.

Но главной жертвой этой операции стал бывший агент СИС Сидней Рейли — человек, склонный к фантазиям еще сильнее, чем Савинков. Рейли превратился в трагикомическую фигуру, все хуже отличавшую реальность от вымысла. По словам одной из его секретарей, Элеонор Той, «Рейли страдал тяжелыми душевными кризисами, доходившими до бреда. Однажды он решил, что он Иисус Христос». Однако ОГПУ не понимало, что Рейли уже почти ничего не значил. Напротив, его считали британским суперразведчиком и одним из самых опасных противников. 26 сентября 1925 года ОГПУ удалось заманить его, как и Савинкова годом раньше, через русскую границу на встречу с ложными заговорщиками из МОР.⁶⁰

Сопrotивление Рейли после ареста продолжалось не намного дольше, чем сопротивление Савинкова. В его деле КГБ хранится письмо Дзержинскому от 30 октября 1925 года, вероятно подлинное, в котором Рейли обещал рассказать все, что знал о британской и американской разведках, а также о русских эмигрантах на Западе. Шесть дней спустя Рейли вывели на прогулку в лес под Москвой и без предупреждения застрелили сзади. Согласно отчету ОГПУ, он «глубоко вздохнул и упал без крика». Среди тех, кто сопровождал его в последнюю прогулку по лесу, был Григорий Сыроежкин — вероятный убийца Савинкова годом раньше. Тело Рейли выставили для закрытого осмотра в лубяном лазарете, чтобы сотрудники ОГПУ могли отпраздновать свой триумф.⁶¹

⁵⁶ К-4, 199.

⁵⁷ Костелло и Царев, «Смертельные иллюзии», стр. 35.

⁵⁸ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 114.

⁵⁹ Сложное использование множества псевдонимов для одного и того же человека в 37-томном деле ТРЕСТ, а также запутанная смесь фактов и выдумки, зафиксированная в нем, на протяжении многих лет сбивали с толку ряд сотрудников и историков КГБ, изучавших это дело.

⁶⁰ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 115–117.

⁶¹ Костелло и Царев, «Смертельные иллюзии», стр. 35–41; основано на частичном доступе к делу КГБ по операции ТРЕСТ. См. также фотографию после стр. 258, на которой тело Рейли выставлено в лубяном лазарете. Ср.: Примаков и др., «Очерки истории российской внешней разведки», том 2, стр. 121 и далее. В краткой биографии Сыроежкина, подготовленной СВР, говорится, что он «особенно отличился при арестах подрывной белогвардейской организации Б. Савинкова» и был «активным участником операции ТРЕСТ, в ходе которой в сентябре 1925 года был задержан и арестован британский агент С. Рейли». Самолис (ред.), «Ветераны внешней разведки России», стр. 139.

Слухи о том, что Рейли избежал казни и жил под новым именем, еще много лет ходили на Западе. Для его карьеры, в которой миф и реальность давно стали неотделимы друг от друга, это было вполне закономерно. Операция ТРЕСТ окончательно раскрылась в 1927 году, поставив в неловкое положение разведки Британии, Франции, Польши, Финляндии и стран Балтии, которые в той или иной степени поверили в этот обман.⁶²

Помимо постоянной борьбы с контрреволюцией — как реальной, так и воображаемой, — советская разведка в межвоенные годы все успешнее проникала в главные империалистические державы. У нее было два важных оперативных преимущества перед западными разведками. Во-первых, в то время как безопасность в Москве стала почти навязчивой идеей, на Западе она во многих случаях оставалась слабой. Во-вторых, коммунистические партии и их «попутчики» на Западе давали советской разведке важный источник идейных добровольцев, чем она пользовалась все шире.

В то время, когда операция ТРЕСТ находилась в самом разгаре, ИНО — внешняя разведка ОГПУ — добилась своего первого крупного проникновения в британскую дипломатическую службу. Агентом стал итальянский курьер британского посольства в Риме Франческо Константины, кодовое имя ДУНКАН. Его завербовала в 1924 году резидентура ОГПУ при помощи итальянского коммуниста Альфредо Аллегретти, который до революции работал служащим русского посольства. Несмотря на низкое положение, Константины имел доступ к удивительно широкому кругу дипломатических секретов.⁶³ До Второй мировой войны в Форин-офисе не было ни одного сотрудника службы безопасности, не говоря уже о специальном отделе безопасности. Во многих британских посольствах меры безопасности были поразительно слабыми. В Риме, по словам сэра Эндрю Ноубла, служившего в посольстве в середине 1930-х годов, безопасность была «практически несуществующей». Посольская прислуга имела доступ к ключам от красных ящиков и картотечных шкафов с секретными документами, а также, вероятно, знала номер кодового замка на сейфе посольства. Даже когда в 1925 году исчезли две копии дипломатического шифра, британским дипломатам не пришло в голову, что их мог взять Константины, хотя почти наверняка так и было.⁶⁴

Более десяти лет Франческо Константины передавал множество дипломатических документов и шифровальных материалов. Вероятно, уже на раннем этапе он привлек к краже документов своего брата Секондо, который работал в посольстве слугой. Помимо депеш об англо-итальянских отношениях, которыми обменивались Лондон и римское посольство, Константины часто мог

⁶² Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 118–121; Костелло и Царев, «Смертельные иллюзии», стр. 40–42.

⁶³ Том 7, глава 14, пункт 1. Итало-советские дипломатические отношения, разорванные после революции, были восстановлены только в 1924 году, когда первая легальная резидентура была создана внутри новой советской дипломатической миссии. Сотрудником резидентуры, которому в архивах КГБ приписывается вербовка Константины, был Шефтель, кодовое имя ДОКТОР. В заметках Митрохина о нем нет дополнительных сведений. В 1997–1998 годах СВР предоставила привилегированный доступ к отдельным частям дела Константины авторам двух историй советских разведывательных операций: Примаков и др., «Очерки истории российской внешней разведки», том 3, глава 13; и Вест и Царев, «Королевские драгоценности», глава 5. Примаков и др. не раскрывают настоящее имя Константины; Вест и Царев ошибочно называют его Костантины.

⁶⁴ Архивы КГБ радикально меняют прежние представления об утечках из римского посольства. Расследование 1937 года, проведенное Валентином Вивианом, начальником контрразведки СИС, рассматривало только утечку секретных документов в итальянскую разведку. Хотя позднее выяснилось, что часть информации также попадала в ОГПУ/НКВД, Форин-офис, по-видимому, так и не понял, что первоначальное проникновение было осуществлено именно ОГПУ.

предоставлять так называемую «confidential print» — подборку избранных документов Форин-офиса и главных британских миссий, предназначенную для того, чтобы послы имели общее представление о текущей внешней политике.⁶⁵ К январю 1925 года он в среднем поставлял по 150 страниц секретных материалов в неделю. Константины не скрывал своих мотивов. Римская резидентура докладывала в Центр: «Он сотрудничает с нами исключительно ради денег и не скрывает этого. Он поставил себе цель стать богатым человеком, и именно к этому стремится». В 1925 году Центр признал Константины своим самым ценным агентом. Убежденный в существовании огромного, но на самом деле несуществующего британского заговора с целью уничтожить советское государство, Центр рассчитывал, что агент ДУНКАН заранее предупредит о британском нападении, и дал римской резидентуре указание:

Англия теперь является организующей силой вероятного нападения на СССР в ближайшем будущем. На Западе против нас создается сплошной враждебный кордон государств. На Востоке, в Персии, Афганистане и Китае, мы видим похожую картину... Ваша задача, и считайте ее приоритетной, — предоставить документальные и агентурные материалы, раскрывающие детали английского плана.

Гордость римской резидентуры за то, что она ведет главного агента ОГПУ, отражалась в ее лестных описаниях Константины. Говорили, что у него лицо «древнего римлянина» и что его многочисленные поклонницы называли его «красавцем».⁶⁶ К 1928 году ОГПУ заподозрило его — и справедливо — в том, что он также передает документы итальянской разведке. Однако, несмотря на сомнения в честности Константины, значение материалов, которые он поставлял, было очевидным. Максим Литвинов, ставший к концу 1920-х годов ведущей фигурой в Народном комиссариате иностранных дел, признал эти материалы «очень полезными для меня».⁶⁷

Первое успешное проникновение ОГПУ в британскую дипломатическую службу было омрачено в 1927 году рядом громких провалов разведки. Безопасности быстро расширявшейся зарубежной сети резидентур ОГПУ и Четвертого управления, то есть военной разведки, угрожали несколько факторов: уязвимость ранних советских шифров для западных дешифровальщиков, неопытность части первого поколения сотрудников ИНО, а также ошибки при отборе и подготовке иностранных коммунистов в качестве агентов. Отдел международной связи Коминтерна, ОМС, давал готовый резерв добровольцев, с энтузиазмом участвовавших в советских разведывательных операциях. Некоторые из них, например немец Рихард Зорге, позже вошли в число величайших шпионов века. Другие же игнорировали обычные правила конспирации и пренебрегали стандартными мерами безопасности.

Весной 1927 года в восьми разных странах произошли громкие разоблачения советского шпионажа. В марте в Польше была раскрыта крупная шпионская сеть ОГПУ; советского торгового чиновника арестовали за шпионаж в Турции; швейцарская полиция объявила об аресте двух русских шпионов. В апреле полицейский налет на советское консульство в Пекине обнаружил массу

⁶⁵ Том 7, глава 14, пункт 1.

⁶⁶ Примаков и др., «Очерки истории российской внешней разведки», том 3, глава 13.

⁶⁷ Вест и Царев, «Королевские драгоценности», стр. 94–99. Хотя Литвинов стал народным комиссаром иностранных дел только в 1930 году, позднее «Известия» отмечали, что он был «фактическим руководителем нашей внешней политики с 1928 года». Хаслам, «Советская внешняя политика, 1930–1933», стр. 10.

компрометирующих разведывательных документов; французская Сюртэ арестовала членов советской шпионской сети в Париже, которой руководил Жан Креме, видный французский коммунист. В мае выяснилось, что чиновники австрийского министерства иностранных дел передавали секретную информацию резидентуре ОГПУ, а британский министр внутренних дел с возмущением объявил в Палате общин об обнаружении «одной из самых полных и одной из самых преступных шпионских систем, с какими мне когда-либо приходилось сталкиваться».⁶⁸

После этого последнего разоблачения Британия, которую в Советском Союзе по-прежнему считали ведущей мировой державой и самым опасным врагом, официально разорвала дипломатические отношения с СССР. Высокопоставленные министры зачитали в Палате общин расшифрованные выдержки из перехваченных советских телеграмм. Чтобы усилить безопасность советской дипломатической переписки и сообщений ОГПУ после столь громкого раскрытия успехов британских дешифровальщиков, была введена трудоемкая, но практически невзламываемая система одноразовых шифроблокнотов. В результате западные криптоаналитики почти не могли расшифровывать высокоуровневые советские сообщения вплоть до окончания Второй мировой войны.⁶⁹

Самые тревожные и одновременно самые многочисленные разведывательные сведения в 1927 году касались Японии. С 1925 года ИНО могло перехватывать секретные сообщения японской военной миссии и генерального консульства в северо-восточном китайском городе Харбине. Поразительно, но японские официальные представители в Харбине пользовались не дипломатической почтой и собственными курьерами, а китайской почтовой службой для переписки с Токио. ОГПУ завербовало китайских служащих, которые относили японские официальные депеши на харбинскую почту, и отправило туда специальные группы мастеров по вскрытию писем. Они изучали и фотографировали депеши, а затем отправляли их дальше в новых конвертах с копиями японских печатей. Профессор Мацокин, специалист по Японии из Москвы,⁷⁰ работал на ИНО в Харбине: он просматривал депеши и быстро отправлял в Центр переводы наиболее важных из них.

В перехватах, которые направлялись в Москву, было много свидетельств о замыслах японских военных в отношении Китая и советского Дальнего Востока. Но самым тревожным документом, перехваченным в июле 1927 года, стал секретный меморандум барона Гиити Танаки, японского премьер-министра и министра иностранных дел. В нем говорилось о завоевании Маньчжурии и Монголии как первом шаге к японскому господству над всем Китаем и предсказывалось, что Японии «снова придется скрестить мечи с Россией».⁷¹

Вторая копия меморандума была получена в оккупированной Японией Корее резидентурой в Сеуле, которую возглавлял Иван Андреевич Чичаев, позднее резидент военного времени в Лондоне. Японский переводчик под кодовым именем АНО, завербованный резидентурой ИНО, сумел вынуть

⁶⁸ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 126. О шпионской сети Креме см.: Фалиго и Коффер, «Ты видел Креме?»

⁶⁹ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 126–127.

⁷⁰ Профессора Мацокина в какой-то момент, не указанный в заметках Митрохина, сменил другой специалист по Японии — Ким Роман, этнический кореец из Никольск-Уссурийска. к-9,73. Ни один из них не упоминается в рассказе об эпизоде с меморандумом Танаки у Примакова и др., «Очерки истории российской внешней разведки», том 2, глава 32.

⁷¹ к-9,73.

этот документ вместе с другими секретными материалами из сейфа начальника японской полиции.⁷² Позднее ИНО передало копию меморандума в американскую прессу, чтобы создать впечатление, будто документ был добыт агентом, работавшим на Соединенные Штаты.⁷³ Еще в 1997 году официальная история СВР продолжала прославлять одновременное получение меморандума в Харбине и Сеуле как «абсолютно уникальный случай в разведывательной деятельности».⁷⁴ Хотя такая оценка несколько преувеличена, она верно отражает огромное значение, которое тогда придавали обнаружению предсказания Танаки о войне с Россией.

Сильная тревога в Москве, вызванная разрывом дипломатических отношений с Британией и кажущейся угрозой со стороны Японии, ясно отразилась в панической статье Сталина, опубликованной через несколько дней после того, как он получил меморандум Танаки:

Едва ли можно сомневаться в том, что главным современным вопросом является угроза новой империалистической войны. Речь идет не о какой-то неопределенной и нематериальной «опасности» новой войны. Речь идет о реальной и материальной угрозе новой войны вообще и войны против СССР в частности.⁷⁵

То, что Константины так и не предоставил ничего, хотя бы отдаленно напоминающего британскую версию меморандума Танаки, не привело ни Сталина, ни склонных к теориям заговора сотрудников Центра к выводу, что у Британии нет планов нападения на Советский Союз. Напротив, они считали, что нужно приложить еще больше усилий, чтобы проникнуть в тайные планы западных поджигателей войны. Сталин, который вышел явным победителем из трехлетней борьбы за власть после смерти Ленина, требовал больше разведывательных данных о в основном воображаемых западных заговорах против Советского Союза, в существовании которых он был уверен.

Чтобы сделать советский шпионаж менее заметным и более удобным для отрицания, главная ответственность за сбор разведанных была перенесена с «легальных» резидентур на «нелегальные». Они действовали независимо от советских дипломатических и торговых миссий. В последующие годы создание новой нелегальной резидентуры превращалось в чрезвычайно долгий процесс: он требовал многолетней подготовки и тщательного построения «легенд», то есть ложных биографий для нелегалов. Но в конце 1920-х и начале 1930-х годов попытка быстро расширить нелегальную сеть, без той тщательной подготовки, которая позже стала обязательной, привела в зарубежные операции ОГПУ как людей с необычными способностями, так и ряд мошенников.

Среди тайных скандалов, обнаруженных Митрохиным в архивах КГБ, был случай нелегальной резидентуры, созданной в Берлине в 1927 году. Ее резидентом был австриец Бертольд Карл Ильк, а

⁷² к-9,119. Официальная история СВР не упоминает АНО.

⁷³ к-9,73. О публикации меморандума Танаки см.: Клер, Хейнс и Фирсов, «Тайный мир американского коммунизма», стр. 52–53. Опубликованную версию меморандума некоторые ученые, не знавшие об успехах ОГПУ в тот период в перехвате японской переписки в Харбине и Сеуле, считали подделкой, изготовленной ОГПУ. Однако в документах КГБ о его перехвате он описывается как подлинный. Возможно, хотя Митрохин не нашел этому доказательств, что опубликованная версия была отредактирована для усиления ее пропагандистского эффекта.

⁷⁴ Примаков и др., «Очерки истории российской внешней разведки», том 2, стр. 257.

⁷⁵ Статья Сталина от 23 июля 1927 года, в: Деграс (ред.), «Документы по советской внешней политике», том 2, стр. 233–235. В статье также отразилась тревога из-за массовых убийств китайских коммунистов их бывшими союзниками — националистическим Гоминьданом.

его заместителем — Мориц Вайнштейн. Позднейшее расследование пришло к выводу, что Центр должен был обратить внимание на «подозрительную скорость», с которой резидентура Илька и Вайнштейна якобы расширяла свою агентурную сеть. Уже через два месяца она сообщала об операциях не только в Германии, но и в Британии, Франции и Польше. Ильк отказывался сообщать больше, чем самые общие сведения о личности своих агентов, ссылаясь на соображения безопасности. Центр неохотно принял его отказ предоставить подробные биографии, поскольку еще не оправился от массового разоблачения сетей ОГПУ весной 1927 года. Однако постепенно стало ясно, что ядро нелегальной сети Илька и Вайнштейна составляли их собственные родственники, а часть сети была просто выдумана. Ее операции в Британии и Франции оказались «чистой выдумкой», хотя и удобным способом получать деньги от Центра для Илька и Вайнштейна. Сеть в Германии и Польше не была полностью фиктивной, но находилась под наблюдением местной полиции и служб безопасности. Центр закрыл всю резидентуру в 1933 году, не привлекая, однако, такой огласки, какую вызвали разведывательные провалы 1927 года.⁷⁶

Главное влияние на развитие ОГПУ и его преемников в сталинскую эпоху оказало изменение самой природы советского государства. Многие из того, что позднее стали называть «сталинизмом», в действительности было создано Лениным: культ непогрешимого вождя, однопартийное государство и огромная служба безопасности с повсеместной системой слежки и сетью концентрационных лагерей, предназначенной для устрашения противников режима. Но если ленинское однопартийное государство еще оставляло место для товарищеских споров внутри правящей партии, то Сталин использовал ОГПУ, чтобы подавить эти споры, навязать собственную узкую ортодоксию и вести расправу с реальными и воображаемыми противниками. Самой ожесточенной и продолжительной из этих расправ была борьба против Льва Троцкого, бывшего ленинского наркома по военным делам.

По крайней мере на раннем этапе кампания ОГПУ против Троцкого и его сторонников сочетала в себе странную смесь жестокости и фарса. Когда Троцкий отказался отречься и признать свои «преступления против партии», его отправили во внутреннюю ссылку в Алма-Ату — город в отдаленном уголке Казахстана, у китайской границы. Отряд ОГПУ, пришедший утром 17 января 1928 года в его московскую квартиру, чтобы увезти его в ссылку, застал Троцкого еще в пижаме. Когда он отказался выйти, сотрудники ОГПУ выломали дверь. Троцкий с удивлением узнал в офицере, возглавлявшем отряд, одного из своих бывших телохранителей времен гражданской войны. Потрясенный видом бывшего наркома по военным делам, офицер расплакался и сказал: «Застрелите меня, товарищ Троцкий, застрелите». Троцкий успокоил его, сказал, что тот обязан выполнять приказы, какими бы отвратительными они ни были, и принял позу пассивного

⁷⁶ Том 7, глава 9, пункт 1. Интересные подробности о резидентуре Илька — Вайнштейна есть у Веста и Царева, «Королевские драгоценности», глава 3. Однако авторы, по-видимому, не имели доступа ко всем материалам, которые видел Митрохин, и пришли к выводу, что резидентура Илька и «Ванштейна» — так, вероятно, буквально передано с кириллицы имя Вайнштейна — была «чрезвычайно эффективной», а также высоко оценили «большие организаторские способности Илька». Такая оценка несколько расходится с признанием самих авторов, что качество обильной британской разведывательной информации, которую давала резидентура, «оставляло желать лучшего». Документы, которые они приводят о попытках Илька оправдать качество разведанных, вероятно, заслуживают менее снисходительного толкования. Ильк и Вайнштейн явно отсутствуют среди биографий семидесяти пяти героев внешней разведки, опубликованных СВР в 1995 году к семидесятипятилетию создания иностранного отдела ЧК. Поскольку «великие нелегалы» межвоенного периода туда включены, СВР, очевидно, признает, что Ильк и Вайнштейн к их числу не относились.

сопротивления, пока сотрудники ОГПУ снимали с него пижаму, одевали его и несли к машине, которая должна была отвезти его на Транссибирский экспресс.⁷⁷

За исключением нескольких охотничьих выездов, большую часть времени в Алма-Ате Троцкий проводил за письменным столом. С апреля по октябрь 1928 года он отправил своим сторонникам около 550 телеграмм и 800 «политических писем», некоторые из которых были длинными полемическими трактатами. За тот же период он получил 700 телеграмм и 1000 писем из разных частей Советского Союза, но считал, что по меньшей мере столько же было конфисковано по дороге.⁷⁸ Каждое письмо и каждая телеграмма из перехваченной переписки Троцкого тщательно фиксировались ОГПУ, а ежемесячные обзоры отправлялись и Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому, преемнику Дзержинского, и Сталину.⁷⁹ Сталин, который всегда чрезмерно реагировал на оппозицию, едва ли мог благосклонно отнестись к письмам, где его и его сторонников регулярно называли «перерожденцами».

Отчеты ОГПУ о Троцком и его последователях писались в тоне праведного негодования. ОГПУ заявляло, что ни одна контрреволюционная группа после Октябрьской революции не осмеливалась вести себя «так нагло, смело и вызывающе», как троцкисты. Даже когда сторонников Троцкого приводили на допрос, они не позволяли следователям себя запугать. Большинство отказывалось отвечать на вопросы. Вместо этого они подавали дерзкие письменные протесты, например: «Я считаю борьбу, которую веду, внутрипартийным делом. Я буду объясняться перед Центральной контрольной комиссией, а не перед ОГПУ». В начале 1928 года ОГПУ провело первые массовые аресты троцкистов, заключив несколько сотен человек в московскую Бутырскую тюрьму. Однако Бутырка тогда еще не превратилась в ту жестокую и грязную тюрьму, какой стала во время Большого террора десятилетием позже. Дух сторонников Троцкого тоже еще не был сломлен. В первую же ночь в тюрьме троцкисты устроили бунт: выбивали двери, били окна и скандировали политически неправильные лозунги. «Таково, — с возмущением докладывало ОГПУ, — было поведение озлобленных врагов партии и советской власти».⁸⁰

Ликвидация троцкистской ереси и поддержание идеологической ортодоксии в коммунистическом однопартийном государстве требовали, по мнению Сталина, удаления Троцкого из Советского Союза. В феврале 1929 года великого еретика выслали в Турцию и выдали ему через сопровождавшего сотрудника ОГПУ 1500 долларов, чтобы он мог «устроиться за границей».⁸¹

⁷⁷ Троцкий, «Моя жизнь», стр. 539 и далее; Дойчер, «Троцкий», том 2, стр. 392–394; Волкогонов, «Троцкий», стр. 305 и далее.

⁷⁸ Еще восемь или девять секретных партий корреспонденции из Москвы доставил «специальный курьер», личность которого Троцкий отказался раскрыть в мемуарах. По его словам, через эти посылки он узнавал «обо всем, что происходило» в столице. Троцкий отвечал своим московским информаторам тем же тайным путем. Троцкий, «Моя жизнь», стр. 556. В архивах КГБ «специальный курьер» назван членом артели возчиков, перевозившей грузы между Алма-Атой и ближайшей железнодорожной станцией во Фрунзе. Группы наружного наблюдения ОГПУ сообщали, что возчик встречался с женой Троцкого или его старшим сыном на алма-атинском рынке, незаметно опускал в их корзины сообщения, прибывшие во Фрунзе по Транссибирской магистрали, и забирал ответы. Том 6, глава 3, часть 1.

⁷⁹ Волкогонов, «Троцкий», стр. 312. Менжинский стал главой ОГПУ после смерти Дзержинского в 1927 году.

⁸⁰ Том 6, глава 3, часть 1.

⁸¹ Дойчер, «Троцкий», том 3, стр. 1–3.

После того как Троцкий оказался за пределами страны, тон отчетов ОГПУ о дестабилизации и ликвидации его быстро уменьшающейся и все более деморализованной группы сторонников стал увереннее. В одном отчете говорилось, что «массовый отход от троцкизма начался во второй половине 1929 года». Некоторые из тех, кто отрекся, были превращены в агентов ОГПУ, чтобы доносить на своих друзей. В том же отчете хвалились тонкостью методов, применявшихся для подрыва авторитета «контрреволюционного» ядра. Отдельных троцкистов вызывали с работы в учреждения ОГПУ, заставляли несколько часов стоять в коридорах, а затем отпускали без объяснений. Вернувшись на работу, они не могли убедительно объяснить, что с ними произошло. Когда это повторялось, их коллеги становились все более подозрительными и начинали верить слухам, распространяемым ОГПУ, будто эти люди работают осведомителями. После того как «контрреволюционеры» были скомпрометированы, их арестовывали за политические преступления.⁸²

Однако Сталин не был успокоен. Он все больше жалел, что Троцкого отправили за границу, а не оставили в Советском Союзе, где за ним можно было бы постоянно наблюдать. Один эпизод, произошедший всего через шесть месяцев после высылки Троцкого, кажется, произвел на Сталина особенно сильное впечатление. Летом 1929 года Троцкого тайно посетил сочувствовавший ему сотрудник ОГПУ Яков Блюмкин. Будучи молодым и горячим эсером в ЧК в 1918 году, Блюмкин убил германского посла, действуя вопреки приказам Дзержинского. Однако при помощи Троцкого он был реабилитирован и поднялся до должности главного нелегального резидента на Ближнем Востоке. Блюмкин согласился передать послание Троцкого Карлу Радеку, одному из его важнейших бывших сторонников, и попытаться установить каналы связи с теми, кого Троцкий называл своими «единомышленниками» в Советском Союзе.⁸³

Трилиссер, начальник внешней разведки, вероятно, узнал о визите Блюмкина от агента ОГПУ в окружении Троцкого. Но он не приказал немедленно арестовать Блюмкина. Вместо этого он устроил ранний вариант того, что позднее стали называть «медовой ловушкой». Трилиссер поручил привлекательной агентессе ОГПУ Елизавете Юльевне Горской, более известной как «Лиза» или «Лисица»,⁸⁴ «отбросить буржуазные предрассудки», соблазнить Блюмкина, выяснить весь масштаб его сотрудничества с Троцким и обеспечить его возвращение в Советский Союз. Когда Блюмкина заманили обратно в Москву, его допросили, тайно судили и расстреляли. По словам позднейшего перебежчика из ОГПУ Александра Михайловича Орлова, последние слова Блюмкина перед казнью

⁸² к-4, 198.

⁸³ Остряков, «Военные чекисты», глава 2. Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 170. В данном случае опубликованная версия КГБ, пересказанная Остряковым, совпадает с архивной записью. Том 6, глава 3, часть 1. Волкогонов предполагает, что Блюмкин «был виновен лишь в том, что посетил Троцкого» («Троцкий», стр. 329), но упускает из виду, что сам Троцкий позднее признавал: Блюмкин «пытался установить связь между Троцким и его единомышленниками в СССР». Статья, подписанная «Г. Гуров» [Троцкий], в «Голосе коммуниста», 30 октября 1932 года; Верекен, «ГПУ в троцкистском движении», стр. 13.

⁸⁴ Очищенная от неудобных деталей версия биографии Горской приведена у Самолиса (ред.), «Ветераны внешней разведки России», стр. 53–55.

были: «Да здравствует Троцкий!» Вскоре после этого «Лиза» Горская вышла замуж за резидента ОГПУ в Берлине, а позднее в Нью-Йорке, Василия Михайловича Зарубина.⁸⁵

По мере того как Сталин в начале 1930-х годов все больше был занят оппозицией внутри Коммунистической партии, он начал опасаться, что в ИНО могут быть и другие, еще не раскрытые Блюмкины. Но сам Троцкий тогда еще не был намечен к убийству. Главными «врагами народа» за пределами Советского Союза по-прежнему считались белогвардейцы. Генерал Кутепов, глава РОВС в Париже, был смелым, честным, непьющим, политически наивным человеком и легкой целью для ОГПУ. Его окружение было искусно насыщено советскими агентами, а агенты-provokatory приносили ему обнадеживающие новости о несуществующем антибольшевистском подполье. «По всей России ширятся великие движения!» — заявил Кутепов в ноябре 1929 года. «Никогда еще так много людей не приезжало ко мне “оттуда”, чтобы встретиться со мной и просить сотрудничать с их тайными организациями». Однако, в отличие от Савинкова и Рейли, Кутепов не поддавался попыткам заманить его обратно в Россию на встречи с ложными антикоммунистическими заговорщиками. Поэтому, с одобрения Сталина, ОГПУ решило похитить его и доставить в Москву для допроса и казни.⁸⁶

Общее планирование операции против Кутепова поручили Якову Исааковичу, «Яше», Серебрянскому, начальнику ведомства с эвфемистическим названием «Управление особых задач».⁸⁷ До Второй мировой войны это управление фактически действовало как параллельная внешняя разведка, подчинявшаяся непосредственно Центру и отвечавшая за диверсии, похищения и убийства за границей.⁸⁸ Позднее Серебрянский стал серьезной проблемой для официальных историков, которые стремились отделить советскую внешнюю разведку от кровопролития конца 1930-х годов и представить ее жертвой, а не участником Большого террора. В истории, опубликованной при поддержке СВР в 1993 году, утверждалось, что Серебрянский «не был штатным сотрудником органов госбезопасности», а лишь «привлекался для особых заданий».⁸⁹ Но документы КГБ показывают обратное: он был высокопоставленным сотрудником ОГПУ, а его Управление особых задач выросло в элитную службу численностью более 200 человек, предназначенную для охоты на «врагов народа» по обе стороны Атлантики.⁹⁰

Подробную подготовку похищения Кутепова Серебрянский поручил своему нелегальному парижскому резиденту В. И. Сперанскому, который шесть лет назад участвовал в обмане

⁸⁵ Агабеков, «ОГПУ», стр. 202–203, 207–208, 219–221, 238–240. Порецкая, «Свои люди», стр. 146–147. Орлов, «Тайная история сталинских преступлений», стр. 200–203. Между этими мемуарами есть небольшие расхождения, связанные с тем, что авторы по-разному знали это дело лично. Однако все они сходятся в главном: Блюмкин встречался с Троцким, Горская участвовала в этой истории, а Блюмкин был казнен. В записях, отмеченных Митрохиным, нет подробностей о возвращении Блюмкина в Москву или о его допросе; там упоминаются только попытка Блюмкина установить «линию связи Троцкого с троцкистами в Москве» и его последующая казнь. Том 6, глава 3, часть 1.

⁸⁶ Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 165–166.

⁸⁷ к-4, 198, 206.

⁸⁸ Судоплатовы, «Особые задачи», стр. 32, 58. При своем создании в 1926 году Управление особых задач предназначалось главным образом для подготовки и проведения диверсионных операций в тылу противника во время войны. О послевоенных «особых задачах» см. главы 22–23.

⁸⁹ Костелло и Царев, «Смертельные иллюзии», стр. 439, примечание 37.

⁹⁰ к-4, 198, 206; операция против Кутепова в этих материалах названа «ликвидацией Г.».

Савинкова.⁹¹ Утром в воскресенье, 26 января 1930 года, Кутепова затолкали в такси прямо посреди улицы в фешенебельном седьмом округе Парижа. Неподалеку стоял парижский полицейский-коммунист, которого Сперанский попросил помочь, чтобы любой прохожий, увидевший похищение, принял его за полицейский арест. Один такой свидетель действительно оказался рядом. Хотя Центр назвал похищение «блестящей операцией», хлороформ, которым пытались обездвижить Кутепова, оказался слишком сильным для слабого сердца генерала. Он умер на борту советского парохода, когда его везли обратно в Россию.⁹²

Операция против Кутепова создала важный прецедент. В начале и середине 1930-х годов главной задачей советской внешней разведки по-прежнему оставался сбор информации. Однако в последние годы десятилетия все остальные операции были подчинены «особым задачам».

⁹¹ к-4, 199.

⁹² Эндрю и Гордиевский, «КГБ», стр. 166–168.

